

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ. Колония имени Горького.

Н. Ф. Остроменцкая.

Журнал “Народный учитель” 1928, 1-2 (янв-февр), РНБ П29/42.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Это не больше, как рассказ путешественника об удивительной стране, пребывание в которой ему хочется запечатлеть.

Колония имени Горького кажется мне такой удивительной страной, нравы и обычаи которой и интересно и полезно было бы записать.

По мере сил я постаралась это сделать. Вот и всё.

ВВЕДЕНИЕ.

История. Колония им. Максима Горького открыта Полтавским отделом народного образования в конце 1920 г. в шести верстах от Полтавы, в бывшей колонии-имении малолетних преступников. В 1917 году обитатели имения разбежались; имущество расхитили окрестные крестьяне настолько основательно, что даже фруктовые деревья были выкопаны и вывезены.

По словам заведующего колонией т. Макаренко, в 1920-м году, в момент открытия, хозяйство колонии заключалось в следующем: каменные стены пяти домов, двенадцать десятин сыпучего песка, древний конь, незначительная сумма на ремонт и... заведующий хозяйством.

В январе 1921 года совершенно случайно т. Макаренко приглядел имение б. Трепке, которое после некоторых хлопот и получил. Туда была переброшена часть ребят (к концу лета шесть человек), и работа по восстановлению имения оказалась таким значительным фактором в воспитании, что, когда, по истечении пяти лет, ремонт подходил к концу, перед заведующим колонией встал серьёзный вопрос – чем заменить этот источник постоянно-го напряжения жизненного (хозяйственного) пульса колонии.

В этой напряжённой работе постепенно, незаметно для самих себя, без всяких громких фраз, одной “логикой хозяйствования” входили ребята в новую колею жизни.

Т. Макаренко так пишет о первых днях существования колонии:

«4 декабря [1920 г.] в колонию прибыли шесть первых воспитанников. Четверо были присланы за вооружённый грабёж в городе и имели по 18 лет, двое были помоложе и обвинялись в кражах. Воспитанники наши носили галифе, щёгольские сапоги и имели шикарные причёски. Это вовсе не были беспризорные дети. Отказ от какой бы то ни было работы последовал на другой же день. Он был иллюстрирован тычком сапога в физиономию воспитательницы:

– Видите, сапожник пошил мне очень тесные сапоги.

Они свободно уходили из колонии и возвращались утром, сдержанно улыбаясь навстречу моему проникновенному, сощвосовскому выговору, наполненному глубокой верой в силу сощвосовских принципов. Через две недели один из них, по фамилии Биндюк, в один из вечеров вдруг был арестован приехавшим агентом губрозыска за только что совершённое убийство и ограбление» (*Макаренко А.С. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького*).

Таковы были первые дни колонийской жизни, первые зимние вечера, жуткие от тёмного леса, со всех сторон обступившего колонию, от криков “рятуйты”, доносившихся с пролежавшей по соседству большой дороги, от призрачного миганья коптилок.

Итак, колонией был взят курс на хозяйствование, как на основу педагогической работы. К 1926 году хозяйство колонии настолько поднялось, что горьковцам стало тесно в занимаемом ими совхозе. Заведующий колонией ищет исхода и в это время получает предложение Наркомпроса Украины взять Куряжскую детскую коммуну, имеющую обширные земельные угодья (б. монастырские), но очень запущенную и в хозяйственном и в педагогическом отношении.

Т. Макаренко из этого, казалось бы, неблагоприятного обстоятельства сумел извлечь педагогическую выгоду: это был предлог для того, чтобы горьковцы ещё более подтянулись, так как теперь на их долю выпала задача ввести в хозяйственное русло анархическую жизнь Куряжской коммуны,

ибо заведующий колонией обусловил всемерной поддержкой своих ребят переезд в Куряж, необходимость которого была ясна для всех.

Переезд в Куряж. В апреле 1926 года в Куряж отправлен был передовой отряд из нескольких воспитанников и заведующего колонией, затем второй отряд (шесть воспитателей, десять воспитанников) и, наконец, к 1-му мая перебралась вся Полтавская колония, с целым поездом, нагруженным всяким хозяйственным скарбом, сельскохозяйственными орудиями, лошадьми, свиньями, коровами, птицей.

Куряжская коммуна помещалась в бывшем монастыре с чудотворной иконой. Тяжёлые стены, ворота-колокольня, во дворе липы и могилы вокруг церкви, в которой и в 1927 году ещё продолжается богослужение. Тут же турник, призовая мачта, параллельные брусья. Двор окружён ветхими домишками, бывшими кельями, служащими теперь жилищами воспитателей. Домишки развалены, лестницы без ступенек, двор зарос бурьяном. Пруды, в которых когда-то водились жирные караси, затянуты тиной. Такие же расхлябанные, грязные, под стать обстановке, и воспитанники Куряжской коммуны.

Горьковцы сразу вносят оживление в картину. Их стройные, крепкие фигуры с голыми руками и ногами снуют там и тут. От куряжан их можно отличить по ловкости, подвижности, по тому, что они одеты в одни трусики, тогда как куряжане неуклюже болтаются в своих слишком широких штанах и рубахах.

Горьковцы, хотя численностью их меньше, захватывают, покоряют куряжан избытком жизненной энергии. В два месяца преобразуются и постройки и внешний вид куряжан, хотя и не без борьбы сдают эти последние свои позиции.

Первые дни в Куряже. Прежде всего их разбивают на отряды, как это принято в колонии им. Горького. В каждый отряд назначается командир. Среди куряжан оказалось достаточное количество живых ребят, которые и были использованы в качестве командиров как постоянных, так и сводных отрядов.

Куряжан удивляло, что воспитатели (рабочее дежурство) наравне с воспитанниками принялись за работу. Долгое время они подозревали в этом какой-нибудь подвох, отказывались подчиняться командирам, ожидая приказаний от воспитателей. Даже попрекали последних:

- Чего ж вы не говорите, чтоб работали, ведь вы должны приказывать.
- Это дело командира – распоряжаться.
- А зачем же вы? Пример показывать?
- Какой же пример, когда многие ребята работают лучше нас! Просто мы все члены одной коммуны и все должны в ней нести одинаковый труд.

В то время как отряды полтавцев работали бодро и дружно, куряжане “трудились” примерно таким образом:

Огород. Полка. Отряд почти из одних куряжан. Улёгшись между грядками, кто на животе, кто на боку, ребята лениво дёргают траву, переругиваясь, чтобы скоротать время, с соседями. Даже при такой работе грядке приходит конец. Тогда полющий ложится в бурьян, стеная, что заставляют слишком много работать, и отдыхает, не внемля уговорам командира, старающегося водворить хоть какой-нибудь порядок.

Спустя месяц наблюдаю тот же отряд на такой же работе. Дружно и весело идёт полка, от сапок отлетают комья земли. Опередившие в работе товарищей помогают отставшим. По знаку командира (полтавца) садятся все вместе отдыхать, дружелюбно болтая о разных любопытных вещах: о северном сиянии, радио, о сравнительном достоинстве Харькова и Полтавы. Таким образом в работе и болтовне проходит время до сигнала “с работ”. Заслышав сигнал, работающие радостно выпрямляются. Но командир оглядывает их ласковыми глазами:

– Ребята, давайте закончим этот кусок? Тут уж немного осталось, чтоб нам завтра сюда не приходиться. А?

И неожиданно, без единого протеста, ребята поднимают сапки и “кончат”, то есть работают после сигнала ещё пятнадцать минут.

Мне кажется, этот пример достаточно иллюстрирует превращение куряжан. К концу лета они уже совершенно ассимилировались с горьковцами,

отличаясь от них, пожалуй, большей эмоциональностью, менее развитым чувством долга.

Письмо Горького. Интересный этап на этом пути – письмо Горького, первое, полученное в Куряже. Полтавская колония издавна состояла в переписке со своим патроном. Вскоре после переезда колонии им. Горького в Куряж было получено от М. Горького письмо, в котором он приветствовал колонию на новом месте и высказывал свои пожелания. Командиры получили приказ собрать свои отряды в клубе, и здесь А.С. Макаренко обратился к ребятам с речью, в которой растолковал им значение Горького как пролетарского писателя, рассказал об успехах его произведений, переведённых на все языки.

... “Но нам с вами он особенно близок, так как был в детстве таким же беспризорным, какими были и вы, пока не попали в колонию”.

Здесь т. Макаренко выдержал эффектную паузу, эффектную, так как она сопровождалась торжественным молчанием, очевидно, поражённых ребят. Вероятно, куряжане впервые сообразили, что, значит, они не отверженные, значит, и перед ними открыта возможность завоевать будущее.

Затем, сообщив кое-какие биографические сведения, А.С. Макаренко прочёл письмо ребятам, гордым вниманием “такого человека”. Когда они расходились, ясно чувствовалось, что они уходят иными, чем вошли в этот зал.

И таким образом из всех обстоятельств т. Макаренко умеет сделать стимул для движения вперёд.

Налаживание хозяйства. В то же время, как шла борьба с ребятами, приводилась в порядок и внешность колонии, бывшей в ужасном состоянии: уборных на четыреста человек всего две и обе без дверей; двор загажен; здания полуразвалены.

Пока идёт ремонт, колонисты спят, где попало. В то же время красят кровати, разбирают монастырские стены, чтобы построить из их кирпича свинарню. Во дворе косят бурьян, разбивают клумбы, роют канавы для водопровода. Электростанция ремонтируется, живут при керосиновом освещении.

Сельскохозяйственные работы, работы в мастерских идут своим чередом.

Несмотря на умопомрачительную спешку, ежедневные общие собрания, занятия групп, готовящихся на рабфак, – с утра до вечера колония звенит весьма весёлым смехом, а в часы отдыха – криком футболистов, песнями, звуками рояля из клуба и балалаек в разных концах двора.

Смех колонистов – не двусмысленное хихиканье улицы, а откровенный хохот степных просторов, несущийся навстречу каждой шутке, несмотря на физическое утомление.

Стороннего наблюдателя прежде всего поражает радость на лицах, чёткость движений и лаконичность деловой речи колонистов. Когда старый горьковец идёт по двору, видно, какое наслаждение испытывает он, ощущая упругость своих мышц. Эта чёткость и точность проникает всю жизнь колонии. Только чёткость заданий даёт возможность требовать чёткости исполнения. И бессознательно выразили ребята этот основной тон в введённом кем-то из них морском словечке “есть” в ответ на приказание. Какой-то любитель чтения шутя пустил это словечко в оборот, но оно пришлось так ко двору, так привилось, что теперь ни один колонист не ответит иначе на приказание. Сначала – “есть!”, затем исполнение и только потом изъявление неудовольствия, если оно вызвано приказанием. Это короткое словечко как нельзя лучше выражает темп колонийской жизни, который строго учитывается руководителем колонии и в случае нарушения восстанавливается даже при помощи наказаний, о чём будет ниже.

Второе впечатление, которое получает наблюдатель, глядя на хозяйственные усилия, направленные к преобразованию колонии, – что они являются главным воспитательным фактором, что ради этого вечного хозяйственного напряжения и расширяет А.С. Макаренко колонию и перебрасывает её на новые места. И впечатление это не будет ошибочным, так как сам т. Макаренко говорит:

“Воспитание и перевоспитание, если оно должно направляться параллельно общему движению нашего общества, не может принять иных форм,

кроме форм коллективного хозяйствования”. И дальше: “Только переживание хозяйственной заботы может дать мощные толчки, с одной стороны, для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой – для логического оправдания норм поведения личности в коллективе” (Макаренко А. С. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького).

Совершенно незаметно для воспитанников, в творческом стремлении устроить своё хозяйство, тонут стремления, привитые улицей. И, не чувствуя уродливого педагогического давления на свою личность, ребята радостно изумляются собственному росту:

– Здорово я переменился, а отчего – и сам не знаю.

Получив возможность творчески работать, они начинают гордиться своей работой. Они уже не только не ощущают себя отверженными детьми улицы, они сознают себя необходимыми винтиками в хозяйственной машине Союза. Вот слова одного из воспитанников, сказанные приблизительно через год работы в Куряже:

– А что, правда, Куряж изменился? Правда, узнать нельзя? А какой бы убыток государству был, если б мы не взяли имения в свои руки.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

“Итак, самое сильное средство перевоспитания, переделки оскорблённой и опороченной души в ясную и честную – есть труд”.

Достоевский. Дневник писателя. 1876 г.

Педагогической основой в Горьковской колонии является хозяйственно-рациональный труд и организация среды.

Индивидуальный подход практикуется только в исключительных случаях.

Каждому даётся возможность выявить себя в здоровом обществе, стать его полезным и уважаемым членом.

Хозяйственный базис. Организующим жизнь началом является труд. Но не физически изнуряющий подневольный труд, а построенный на осоз-

нанной продуктивности и полезности его. В очерке работы Полтавской колонии им. Горького (1925 г.) т. Макаренко пишет: “Только труд в условиях коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, что в нём в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие. Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения, является элементарным объектом воспитания...”. И дальше: “Только переживание хозяйственной заботы может дать мощные толчки, с одной стороны, для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой – для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели”.

За шесть лет работы колония сделала большие хозяйственные накопления.

В настоящее время хозяйство колонии таково:

Земли под посевами и огородами – 63

Земли под лесом – 25

Коров – 6

Лошадей –16

Свиней – 130 (из них породистых 100)

Кур – 150

Овец – 10

Бугай – 1

Жеребец –1

Гусей – 95

Все необходимые сельскохозяйственные орудия.

В 1926 г., благодаря энергии заведующего колонией, от шефской комиссии получен трактор.

В колонии имеются прекрасно оборудованные мастерские: сапожная, швейная, столярная, слесарная, кузня, хлебопекарня, электростанция. Здесь ребята получают ремесленное образование. Во главе каждой мас-

терской стоит инструктор. Мастерские работают круглый год и вполне обслуживают колонию.

Виды труда. Распределение по отрядам. Таким образом колонисты распределяют свою работу по отдельным отраслям: сельскохозяйственной, ремесленной и технической.

Сельскохозяйственные работы выполняются, по назначению совета командиров, рабочими отрядами, не имеющими специальности. Но в ударные моменты, как, например, уборка хлеба, в них бывает занята вся колонийская масса, составляя так называемые сводные отряды.

Из хозяйственных отрядов специальных три: 2-й – конюха, 13-й – свиляри и 3-й – заведующего хозяйством – исполняющий смешанную работу.

Постоянные, назначаемые советом командиров должности для отдельных ребят – старший агроном, старший огородник, птичник, заведующий хозяйством, заведующий ремонтом и заведующий одеждой.

Дежурят по две недели экономки и хозяйки.

Ремесленные отряды: 1-й – сапожники, 4-й и 5-й – швеи (из этих же отрядов дежурят девочки в прачечной, отсюда же назначаются экономки и хозяйки), 7-й – кузнецы, 8-й – столяры, 9-й – слесаря, 10-й – хлебопёки.

Технические: 17-й – электромонтёры, 27-й – производственники (бывш. курьяжские воспитанники, работающие в городе, не имеющие квартир и пока живущие в колонии).

Отдельно стоят: постоянный 23-й сторожевой отряд и комендантский сводный, назначаемый на две недели.

Каждый постоянный отряд, как рабочий, так и специальный, имеет определённое место в столовой и спальне. За порядок в работе и в жизни отряда отвечает командир.

Распределение рабочей силы. Сводный отряд является исключительно рабочей единицей. Командир его может быть в то же время командиром или членом любого постоянного отряда, поэтому, как только прекращается работа, члены сводного рассыпаются по своим основным отрядам.

Сводные отряды составляются еженедельно на заседании совета командиров, бывающем обычно по субботам. Ко времени заседания все, нуждающиеся в рабочей силе, подают секретарю совета заявления.

Положим, агроном требует на косьбу-6 чел., на полку-14 чел., на корчёвку – 20 чел и т. д., заведующий ремонтом требует на постройку 30 чел., на возку воды – 4 чел. и т. д.

Требования секретарь зачитывает совету командиров. Если нужны на работу специалисты, например, косари, то командиры, у которых таковые имеются, заявляют об этом. Секретарь совета командиров записывает, из каких отрядов и кто именно составляет отряд косарей. При обычных работах, не требующих специальных навыков, кто-либо из командиров даёт весь свой отряд, недостающее количество добавляется из другого основного отряда; если же в отряде оказывается больше рабочих рук, чем требуется, то остаток назначается в следующий сводный. Командир называет только количество ребят, персонально же обозначает их в книге нарядов, которая находится у секретаря совета командиров. При назначении товарищей в тот или иной сводный отряд командиры руководствуются степенью трудности работы и здоровьем посылаемого.

Здесь же обсуждаются назначения командиров сводных отрядов. В этом случае руководствуются степенью авторитетности назначаемого. Командиром сводного может быть назначен как командир, так и рядовой член основного отряда.

Воспитатель и воспитанник, дежурящие в понедельник, в воскресенье составляют рабочую сводку, и вечером она зачитывается в приказе на завтрашний день. Таким образом каждый колонист заранее оповещается, где ему предстоит работать следующую неделю.

Вообще приказы, ежевечерне перед сигналом “спать” читаемые, подчёркивают всё то же: точность и чёткость заданий, и дают возможность требовать такого же чёткого выполнения его.

Случаев отказа от работы не бывает. К доктору за освобождением даже заядлые лентяи не особенно охотно прибегают. За нежелание работать горьковцы презируют. Поэтому они так легко и овладели массой куряжан.

Труд – оздоровляющее начало. Разве может горьковец простить отвлечение к труду, на котором строится вся жизнь колонии и, следовательно, его собственная? Каждый сознательный колонист стремится отличиться в работе. Очень часты случаи добровольной сверхурочной работы, единственным поощрением которой является благодарность в приказе “за героический труд”. Больше об этом не говорят, у колониста слишком много текущих дел, чтобы подолгу останавливать внимание на наказании или поощрении, но всё-таки самолюбие получившего благодарность приятно взволновано хоть на десять минут, и это ощущение он обязательно постарается ещё раз испытать.

Кроме того, работа сама по себе приятна, так как проходит она в атмосфере доброжелательства и уважения. Ни над кем не тяготеет его позорное прошлое, оставшееся по ту сторону колонийских стен.

Нормальный рабочий день для ребят моложе 15-ти лет – четыре часа, после пятнадцати – семь часов. В ударные моменты работают без ограничения времени. Во время молотьбы, например, нагоня экономию на плате за трактор (своего тогда ещё не было), работали по 14 часов: младшие – в две смены, старшие и воспитатели – в одну.

Но так как отдыхают достаточно, такая усиленная работа не вредит здоровью; по крайней мере, об этом можно судить по внешности ребят: чахлые, испытые лица беспризорных наливаются смуглым румянцем, спины выпрямляются, походка делается лёгкой, эластичной.

Целые дни летом мальчики ходят в одних трусиках, и приятно смотреть на их бронзовый загар, на их крепкие тела, ещё недавно стыдившиеся света в своём бессилии.

Правда, играют роль в этом и гимнастика и подвижные игры. Едва успев выкупаться после работы, колонисты уже собираются на гимнастику, по окончании которой затевается футбол до полной темноты. Маленькие па-

родируют старших, орудуя мячом, сшитым из тряпок; кроме того, играют в лапту, в городки и другие игры. Всё это носится вокруг церкви с криком и хохотом до тех пор, пока хоть что-нибудь можно разглядеть в сумерках.

В верхнем – “тихом” – клубе – чтение, шашки, шахматы. Внизу, в зрительном зале – танцы, музыка, пение. Здесь всегда веселье. Зачастую возторженная публика приветствует воспитателя, вошедшего в круг танцоров “ударить гопака”, или, под общий радостный рёв, упирающегося воспитателя просто на руках вытаскивают танцевать.

Здоровая колонийская масса не знает предела в своём веселье. Хорошо поработав, недурно и хорошенько похихотать.

Результаты такой “системы” блестящи. Один из самых разительных – отсутствие эксцессов на половой почве, несмотря на то, что в колонии находятся девочки и мальчики вместе. Нет времени, нет физической возможности уделить внимание “проблеме пола”. Конечно, я говорю о массе. И здесь есть отдельные дети, преданные тайным порокам, но эти бледные фигуры теряются в смуглой хохочущей толпе.

Труд – праздник. В первый день молотьбы на ток идут со знаменем под барабанный бой. Начало жатвы ознаменовано особым торжеством, на которое приглашаются гости. Выпечка первого хлеба из своей муки – также специальный колонийский праздник.

И уж сами колонисты из своего обыденного, ежедневного, зачастую очень тяжёлого труда делают себе радостную игру. Например, и в ужасной работе по очистке пруда, где они копошились в холодной тине выше колен в течение полутора месяца, они устраивают себе забаву, изображая свирепое чернокожее племя, угрожающее вымазать каждого проходящего, кто не заплатит выкуп – пачку дешёвых папирос. (Это юноши от 16 до 20 лет!). А так как мимо них пролегает дорога в лавочку, и воспитатели поддерживают их шутку, то импровизированные дикари пожинаят обильную дань.

Рабочее дежурство. Совместная с воспитателями работа также немало способствует общему оживлению, особенно среди маленьких, которые так любят слушать рассказы во время перерывов.

Воспитатели в свои рабочие дежурства работают наравне с ребятами. Делается это не с целью надзора, а чтобы установить товарищеские отношения с воспитанниками. Дежурных воспитателей всего трое, работающих же отрядов 15-20 (считая не только сводные, а и постоянные). Агроном направляет воспитателей, сообразно с их силами, на более или менее тяжёлую работу. Сами же воспитатели обычно руководствуются численностью отряда.

Утро. Все сводные отряды толпятся вокруг кладовой, где хранятся инструменты. Старший огородник (он же заведующий инструментами) записывает, сколько выдано лопат, сапок и топоров тому или другому командиру. Шум и гам при этом стоит невообразимый: те требуют, чтобы им переменяли лопаты, другие точат свои сапки о могильные плиты, там раздирают любимого воспитателя, стараясь залучить его в свой отряд. А у малышей с утра начинается деловой спор – сколько может быть вагонов в обыкновенном поезде, в “курьере” и в броневом. Почему-то этот вопрос приводит их в необыкновенный азарт. И они вечно к нему возвращаются, так как в колонии нет достаточно компетентных лиц, чтобы сказать окончательное, авторитетное слово на этот счёт. Всё это занимает немного времени, 5-10 минут, и отряды, вооружённые граблями, сапками и т. д., расходятся в разных направлениях.

А некоторые отряды уже с 4-х – 5-ти утра на работе: хозяйки, экономки, водовозы, конюха, свиляры, косари, ушедшие на луг за пять вёрст от колонии.

Воспитатель в рабочем отряде подчиняется командиру. Куряжане долгое время подозревали в этом хитрую уловку и все ждали, что вот-вот он себя проявит во всей своей воспитательской нетерпимости. Но дни шли, а отношения оставались такими же товарищескими.

Не мало их удивляло и то обстоятельство, что воспитатель работает наравне с ними, что это не слова, как в других колониях, а действительный труд. Старались угадать:

– Зачем вы работаете? Чтобы нам пример показать?

– Ну, какой же пример, когда я не лучше вас работаю? Просто мы все члены одного коллектива и все должны нести в нём одинаковый труд. Если мы не каждый день рабочие, так это от того, что у нас есть и другие обязанности – учить вас, дежурить в колонии и т. д.

Ребята над этим задумывались, а отношение к воспитателям становилось всё более дружеским.

Рабочие дежурства наиболее сближают воспитателей и воспитанников, так как это единственное время, когда между ними стирается внешняя грань.

С другой стороны, рабочее дежурство является одним из наиболее организуемых начал, ибо совместная с воспитателем работа создаёт одинаковое отношение к ней.

Учёба. Зимой отпадает часть сельскохозяйственных работ, но прибавляется школьная учёба, так что рабочий день остаётся тот же. Мне, к сожалению, не пришлось наблюдать колонию в зимней обстановке. Как поставлена школа, могу судить только по тому, что горьковцы на рабфаках считаются наиболее подготовленными и дисциплинированными студентами.

Летом училось только две группы – подготовлявшиеся на рабфак и в фабзавуч. Учебные часы зачислялись в рабочее время: до 11 утра шла учёба, затем учащиеся принимали участие в общих работах. Таким образом порядок дня не нарушился.

Колония имеет государственных стипендий – 18, стипендий детской комиссии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета-8 и с 1926 г. учреждает из средств своего хозяйства – 2.

В 1926 г. на рабфаки ушло: на сельскохозяйственный-1 чел., на медицинский – 4 чел., на технологический – 4 чел., в институт народного образования-2 чел., фабзавуч-14 чел.

Сторожевой отряд. Совершенно отдельно стоящим и наиболее интересным с педагогической точки зрения является 23-й сторожевой отряд. Это – “рискованный эксперимент”: бывшие правонарушители, вооружённые винтовками и револьверами, днём и ночью охраняющие колонию (Оружие по-

лагается также конюхам, едущим в ночное). В действительности эксперимент с беспризорными и винтовками вовсе не так опасен, как об этом принято думать. Атмосфера доверия и уважения, особенно в молодости, для большинства – половина исправления. Правда, попасть в сторожевой отряд – это значит выдержать экзамен на добропорядочность. Однажды заведующий колонией пышно выразился: “Сторожевой отряд – это цветок колонии”. Надо сказать правду, что цветок этот пускает иногда и ядовитые ростки, но количество их в общем незначительно. За три месяца моего пребывания в колонии было всего два случая правонарушения со стороны этого отряда: 1) один воспитанник (бывший куряжанин) брал с деревенских пастушек взятки за поправу – 10, 15 коп., 2) другой воспитанник (бывший полтавец) не оказался на своём месте во время обхода командира и в показаниях, где он находился в это время, сбивался.

Вот и всё.

Между тем, благодаря работе сторожевого отряда, в колонии можно спать с открытыми окнами и, даже уезжая на несколько дней, не запирают их.

Сторожевой отряд имеет за собою ряд заслуг. Однажды, например, он словил вора (одного из горьковцев) в кладовой кастелянши. Это было в 12 часов ночи и наделало в колонии много шума. И несчастный вор, которого раздели догола и, вероятно, в спальне поколотили, хотя заведующий колонией и приставил к нему охрану, на другой день так голым и удрал.

Как только поспели арбузы, сторожевой отряд выстроил себе на баштане шалаш и принялся усердно вылавливать лакомок. Однажды изловили дачника, срывающего какие-то ягоды в саду, и, так как заведующего колонией не было, расправились с ним по-своему: в это время как раз во дворе вкапывали столбы для скамеек и попавшегося юношу заставили копать 25 минут, по пять минут за каждую съеденную ягоду. Это вполне в духе соломонова суда, творимого тов. Макаренко, и доставило немало веселья всем колонистам.

Разумеется, сторожам разрешается есть арбузы и фрукты, но они этим не злоупотребляют.

Единственная неприятная черта, свойственная отряду, – потребность разгонять сон футболом. В 2-3 часа ночи они подымают шум и действительно разгоняют сон у всех живущих неподалёку от площадки для игр. Они, как и большинство горьковцев, очень вежливы с воспитателями и извинятся, если вы обратитесь к ним, затихнут. Но что пользы, когда через час они снова поднимут возню, решив, что теперь уж, вероятно, вы так крепко уснули, что вас, хоть из пушек пали, не разбудить.

Во всём остальном отряд вполне оправдывает оказываемое ему доверие. Он яростно охраняет своё хозяйство. Вопреки ожиданиям скептически настроенных людей не было ни одного случая злоупотребления винтовкой. Это наиболее блестящая иллюстрация к положению, что оказываемое доверие и ответственность превращают разрушителя в создателя.

Комендантский отряд. Не менее интересен по месту, занимаемому в жизни колонии, комендантский отряд. Это воители гигиены.

Труд в меру, здоровая простая пища, а главное – чистоплотность – факторы, необходимые для создания уравновешенной нормальной психики. Разве в 1920-м и 1921-м годах не страшнее голода были вошь и грязь? Разве по неряшливости нельзя было сразу узнать “бывших” людей, деклассированный элемент? (Я не говорю, конечно, о военной обстановке). Беспризорные деклассированы, выброшены из общества, ненавидят его и презрительно бахвалятся пред ним своей вонью и своими отрепьями. И, пожалуй, самую разительную перемену чувствуют они в новой обстановке, когда попадают в сверкающие белыми стенами, с чистым воздухом и чистым бельём, спальни, куда их не пускают, не выкупав предварительно.

Чистота в колонии поддерживается комендантским сводным отрядом, назначаемым на две недели.

Ежедневно, поднявшись, каждый колонист убирает свою постель и уходит на работу. И тут комендантский отряд начинает мыть, чистить и проветривать спальни, клубы, лестницы, уборные. В это же время специальный

отряд убирает двор, свинари – свинарню, конюха – конюшни и коровники, дежурные хозяйки – столовую и кухню, а “канцелярские крысы” (так называют малышей, исполняющих в канцелярии обязанности рассыльных) – своё помещение. Мастерские, больничка и прачечная убираются работавшими в них отрядами.

К одиннадцати часам уборка должна быть окончена. Комендант является к дежурному воспитателю, и они совершают обход.

Комендантский обход – нечто вроде очищающего вихря, промчавшегося над колонией. Бывают особенно придирчивые коменданты. Их боятся. При их приближении смахиваются несуществующие пылинки и поспешно убирается только что упавший на землю навоз. Такой комендант расхаживает по колонии с важным видом и заносит в свой блокнот заметки о беспорядке даже там, где дежурному воспитателю всё кажется благополучно.

Таким образом ежедневно колония подтягивается под известный уровень чистоты.

Небрежно застланная кровать – такой же проступок, как неубранная куча навоза; он заносится вечером в рапорт коменданта и за него заведующий колонией строго взыскивает. Вообще в спальнях чистота поддерживается с особой тщательностью, днём доступ в спальни разрешается только по ордерам дежурного воспитателя и не больше как на десять минут. За этим следит дневальный. Представление, что там, где спят, должен быть чистый воздух, настолько вкоренилось, что горьковец, войдя в спальню, прежде всего бросается открывать окна.

По вечерам, после обхода дежурного воспитателя, проверяющего, все ли на местах, неумолимый комендант делает “обход ног”. Летом все ходят босиком и, так как сильно устают, норовят юркнуть в постель, не помыв ноги. Но коменданта провести трудно. Он тщательно осматривает всех лежащих и, обнаружив грязные ноги, вытаскивает их обладателя за шиворот и заставляет идти мыть их.

На его [коменданта] обязанности лежит следить за приличным видом воспитанников. Машинка для стрижки, щёлкающая в его руках, является

для известной части колонистов (переваливших за 16) ещё большим пугалом, чем его блокнот. Единственное спасение – просить у заведующего колонией “ордер на волоса”.

Жажущий иметь причёску долго прилизывается, стараясь предать голове возможно более приличный вид, прежде чем показаться тов. Макаренко. Наконец, он подходит к столу заведующего колонией и останавливается перед ним. Происходит приблизительно следующий диалог:

– Что? (Лаконично.)

– Антон Семёнович, разрешите причёску.

– Сними шапку.

Шапка снимается с робкой надеждой. Заведующий несколько ужасных мгновений критически рассматривает вихрастую голову.

– Чего это они у тебя так торчат? На лице у обладателя причёски выражается полное отчаянье. Он снова усиленно приглаживает волосы.

– Это от шапки.

– Ну, ладно. Только смотри, если увижу растрёпанным, сам остригу.

Пишется ордер. И сияющий проситель несётся с ним к коменданту.

Система ордеров. Система ордеров очень распространена в колонии. Всё ими нормируется – и выдача продуктов, и материалы для мастерских, и выполненные заказы, и еда колонистов. За каждой едой командир подходит к дежурному воспитателю, заявляет ему, сколько порций ему требуется, сколько надо оставить, и получает соответствующий ордер. В писании приходо-расходной ведомости и ордеров, проходит большая часть дня дежурного.

Один из комсомольцев колонии в талантливом обзрении на колонийские темы заставляет говорить недовольного куряжанина:

... С начальством мы прежде ладили, Где спали, там и гадили. А теперь жизнь пошла прямо позорная: скоро будем брать ордера даже в уборную.

Система ордеров экономит время и сохраняет порядок в колонии. Конюха, свинари, птичники, прачки, швеи и т. д. являются к дежурному за ордерами на необходимые им материалы и продукты, и он таким образом мо-

жет знать, что всюду идёт работа, даже не заходя в мастерские и на скотный двор. Кроме того, проверкой служит и комендантский обход. Работа сводных отрядов проверяется либо дежурным, либо его помощником. Вооружённый рабочей сводкой воспитатель отправляется проверять, все ли на местах. Подойдя к какому-либо отряду, он спрашивает командира:

– У тебя все на местах?

Тот отвечает. Словам командира безусловно верят. Если отряд большой и командир не всех знает, устраивается переключка. Воспитатель записывает, кого и по каким причинам нет на работе. То же самое делает командир. Вечером в рапорте он отмечает, кто уклонился от работы, кого не было по уважительным причинам, кто ушёл, кто работал плохо.

Таким образом всюду есть наблюдающий глаз воспитателя, но система такова, что он никого не стесняет, и работа идёт легко и оживлённо. Чувствуется, что работают на себя, на своё хозяйство, на свой дом.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВА.

“Мы редко вполне сознаём влияние бессознательных впечатлений среды, но ими обычно обуславливаются все наши поступки”.

Дж. Дьюи. Введение в философию воспитания.

Структура самоуправления. Структура самоуправления колонии довольно своеобразна, хотя многое в ней напоминает пионерскую организацию. Вся масса колонистов делится на отряды (звенья), и во главе каждого отряда стоит командир (звеньевой). Отряд является основной единицей коллектива. Индивидуальной собственности нет, по крайней мере перед лицом колонийской администрации: бельё, одежда, табак и прочее выдаётся не отдельному колонисту, а на отряд через его командира. Так же и поручения, как бы они важны ни были, даются отряду. Каждый отряд дорожит своим добрым именем и, ясно, не выделит плохого исполнителя.

Отряды не явились следствием влияния пионердвижения. Заимствования из чужой практики не имели большого значения в жизни колонии. Мало в ней было места и для изобретений (если под изобретением понимать готовый, заранее составленный план). Дело было так:

“В конце 1921 года колония не имела ни топлива, ни обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справиться с холодом. С этой целью из числа всех воспитанников (всего их было в то время 30) было выделено 10 мальчиков, им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1.000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню каким образом, но в колонии пришло для этой группы название “отряд Калабалина”. Возможно, что в этом термине сказались бандитское прошлое некоторых из наших воспитанников. Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы – для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на всю зиму 1921-го года. К весне мы не реформировали отряд, а, наоборот, остальных 20 воспитанников разбили на два отряда. Таким образом у нас получилось три отряда. Старшие отрядов сначала пытались называться атаманами (очевидно происхождение и этого термина), но я настоял, чтобы они назывались командирами” (Макаренко. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького).

Так образовалась основная единица организации. Вторым шагом естественно было создать совет командиров. Совет представляет собою нечто вроде детского исполкома, но имеет перед ним преимущество в численности, благодаря чему при умелом подходе он становится ядром, вокруг которого организуется остальная колонийская масса. С другой стороны, члены его принимают ежедневное обязательное участие в хозяйственной жизни колонии как административная группа, что очень способствует успешности работы и установлению твердой дисциплины.

Другим исполнительным органом является дежурство (воспитатель и воспитанник) и заведующий колонией.

Во главе самоуправления по линии детского коллектива – общее собрание; по линии педагогической – педагогический совет. Но линии эти не расходятся, как в большинстве детских учреждений, а тесно переплетаются,

ибо и педагоги и воспитанники прежде всего являются членами одной коммуны, следовательно, подчинены единой конституции, соединены общими интересами, подлежат единому суду.

Влияние новой обстановки. Каждый, вновь вступающий в колонию, попадает в строго организованное общество, с которым он в большинстве случаев сливается. Но иногда не выдерживает и бежит. Бегут обычно в первую неделю. Кто остался дольше, редко уходит, ибо твёрдая организация всегда покоряет.

Бегущих пугает работа, пугает необходимость выявить свою общественную стоимость в новых формах, так как прошлыми хулиганскими заслугами их никто не интересуется. С того момента, как беспризорный становится членом рабочего коллектива, его оценивают только как такового.

Бегущие обычно объясняют свою слабость негодованием перед общественным устройством и нравами колонии:

- В вашей колонии самосудчики.
- В вашей колонии командиры дерутся.
- Так ведь одни командиры, а не все сильные. Командир, в худшем случае, двинет тебя в ухо. Зато никто не станет “подбрасывать”, не будет бить “в тёмную”.
- Да уж чего там! Самосудчики! Сами судят.

Трудно какому-нибудь Петьке или Ваньке, бывшему [дез]организатору, привыкшему поражать улицу хулиганской находчивостью, отказаться от исключительности и скромно вступить в ряды колонистов маленьким работником. Одних удерживает в колонии любопытство, других – перспективы, рисующиеся впереди, третьих – желание подкормиться. Есть и такие, которые действительно тянутся к здоровой жизни. А затем новая среда покоряет, и увлекает завоевание жизни новыми подвигами. Он с удивлением убеждается, что старые его качества – смелость, находчивость, только иначе направленные, и здесь приобретают ему уважение. Уважение связывает, особенно заслуженное с таким трудом. И новичок остаётся в колонии.

Звание колониста. Пробыв год в колонии и показав себя за это время достойным её членом, воспитанник получает звание колониста и красивый значок, внутри которого сплетены буквы Г. Т. К. (Горьковская трудовая колония). Через три года даётся звание старшего колониста и под значок подшивается красная розетка, как на ордене “Красного Знамени”.

Этот знак отличия использован товарищем Макаренко не только как приём поощрения, но и как приём, подчёркивающий товарищеское равноправие с воспитателями, а, по отношению к этим последним – как дипломатический приём: воспитатель, не получивший через год звание колониста, должен удалиться из колонии, так как это служит намёком, что его дальнейшая работа не желательна.

Звание колониста как воспитателю, так и воспитаннику присуждается педагогическим советом. Кандидатура воспитанника разрешается простым голосованием, кандидатура воспитателя – закрытым.

Командиры. Наибольшая честь для новичка – сделаться командиром. Это значит, что всеми оценены его хладнокровие и организаторские способности. Звание командира связано и с известными материальными выгодами: время от времени каждый воспитанник получает карманные деньги из средств своего хозяйства. Но командир имеет 1 рубль, тогда как рядовой воспитанник всего 40 коп.

Чтобы слить с полтавцами массу куряжан, чтобы у них не было впечатления несправедливости, с первых же дней совету пришлось назначать командирами и ребят из куряжской коммуны. И надо отдать справедливость зоркому глазу заведующего колонией: он редко ошибался. Был только один неудачный случай: в командиры попал мальчик, живой, неглупый, но необоримо ленивый, совершенно лишённый чувства долга. Ответственная работа его не подтянула, а только тяготила, и он подал в конце концов в совет заявление, прося снять с него звание командира.

Жизнь командира действительно беспокойная: кроме того, что он, как и всякий другой колонист, несёт ежедневную работу по колонии, он ещё обязан наблюдать за работой и порядком в своём отряде, должен уметь ула-

дуть мелкие конфликты, чтобы не бегать с пустяками к заведующему колонией, должен в каждом отдельном случае найтись, как поступить, чтобы не развалить дисциплину в отряде. Одним словом, командир всецело отвечает за свой отряд.

Совет командиров. Стать командиром – это значит принять участие в организации всей колонийской жизни. Функции совета командиров не ограничиваются распределением рабочей силы. Совет командиров – орган, направляющий и регулирующий хозяйственную жизнь колонии, с одной стороны, и внутренний распорядок жизни воспитанников – с другой. В его ведении: смещения и назначения командиров, переводы из одного отряда в другой, отправка на службу товарищей, прошедших колонийскую учёбу, отпуска домой, приём новых воспитанников, установление очереди на одежду, устройство праздников и т. д.

Совет командиров собирается обязательно раз в неделю по субботам, но при необходимости и чаще. Совет не является оторванной от педагогического коллектива, почти самостоятельной организацией, как это приходится наблюдать в некоторых детских коллективах: бессменным председателем совета состоит заведующий колонией, а его обязательными членами – секретарь педагогического совета, помощник заведующего колонией, старший инструктор и дежурный воспитатель. Таким образом осуществляется контроль и действительное, хотя и незаметное, руководство педагогической мысли.

Вот для примера два экстренных совета, бывших в мои дежурства:

1. Вместо сигнала на обед дежурный сигналист трубит “сбор командиров”. Отправляюсь в комнату совета командиров. Все уже в сборе. Тов. Макаренко сидит за столом. Перед ним мальчик, лет 13-14, в беленькой рубашечке, весь аккуратненький и испуганный, совсем не похожий на уличную шпану.

– Хлопцы, этого товарища прислал нам доктор из второй совбольницы с письмом. (Зачитывается письмо, в котором старший врач просит принять мальчика-сироту, бывшего в больнице два месяца на излечении после по-

боев. Врач просит спасти мальчика от улицы). Так как же быть, хлопцы? Я звонил в комиссию, председателя нет. Сам принять я не имею права. Как вы, хлопцы?

– Да, по-моему, принять. А то что ж ему – воровать? – раздаётся один голос.

– Два месяца пролежал. Здорово, значит, тебя поколотили! (Голос, полный уважения).

– Череп проломили, – с робкой гордостью сообщает кандидат.

– А ты бы не лез драться! (Добродетельный голос).

Новичок робеет, испуганно оглядывается на благоразумный возглас.

– С кем же ты раньше жил? (Какой-то скептик).

– С тёткой. Прогнала. Тут меня и поколотили... на улице... (Голос мальчугана падает и губы начинают дрожать).

– И у тебя никого нет? (Заведующий колонией).

– Никого. Мне некуда идти. Примите меня, пожалуйста.

– Я один ничего не могу. Проси товарищей.

– Товарищи, примите меня, пожалуйста... – И уже откровенные слёзы текут из глаз, глядящих на бравых командиров.

В ответ дружелюбная буря:

– Ну, чего ты! – Не реви! – Не реви, будь своим хлопцем! – Принять! – Ты ж не баба, чего раскис! – Принять! – У нас нюни не распускают!.. – Принять! – Принять! Принять!

Мальчуган подтягивается и сквозь слёзы улыбается, глядя в лица товарищей. А они смущённо стараются за грубостью скрыть доброе чувство, их охватившее.

– Голосую, – говорит заведующий колонией. – Кто за то, чтобы принять, поднимите руки.

Руки тянутся вверх.

– Единогласно! – Заведующий колонией поднимается: – В какой отряд?

– Ко мне! – кричит Дашевский, “пацанячий” командир.

– Куда его к Дашевскому, он уже большой! Ко мне!

– Большо-ой!.. Так он может ещё больной! Ему, может, ещё трудно работать!

– Правильно! К Дашевскому его.

Секретарь совета командиров фиксирует это постановление, и Дашевский, в упоении победы, утаскивает новенького с собой.

Целый день чувствуется, что ребята гордятся своим могуществом, помогшим им вытащить товарища из уличной грязи.

2. Заведующий колонией вернулся из города. Неожиданно сигнал – сбор командиров. Иду. Комната совета командиров полна народа. Ребята расположились на скамейках, столах, на полу.

Заведующий колонией делает несколько очередных сообщений. Потом, с чуть заметной усмешкой говорит:

– Хлопцы, вы знаете, что такое контролёр в ресторане?

– Нет! Нет! (“К чему это он клонит?”)

– Его обязанности заключаются в следующем: когда официант делает заказ на кухне, контролёр проверяет его. Делается это вот для чего: вы приходите в ресторан и заказываете два дорогие блюда, положим, всего на пять рублей. Официант идёт в кассу и берёт марки на два дешёвые блюда и платит за них, скажем, полтора рубля. Таким образом у него в кармане остаётся три рубля пятьдесят копеек. На кухне он заказывает те кушанья, которые вы требовали, а марки даёт для проверки контролёру. И, если контролёр в компании с официантом – это мошенничество проходит безнаказанно, а прибыль они делят пополам. Оказывается, что все контролёры вступают в сделку с официантами. В Харькове нет честных людей. Поэтому обратились к нам...

Раздавшийся смех не даёт заведующему договорить. Выждав, когда собрание несколько смолкает, он спокойно оканчивает:

– ... нет ли их у нас. Я сказал, что найдутся. Хлопцы, в настоящее время в Харькове имеется восемнадцать мест контролёров, жалованья восемьдесят рублей, комната и прочее. Я не решаюсь выделить сразу восемнадцать душ. Не оттого, что не рассчитываю на такое количество честных

среди нас. Мы все честные. Но нужна стойкость. Нужен такой детина, который бы во всяком положении нашёлся и дал отпор. Ведь понятно, что официанты всеми способами постараются выжить контролёра, не дающего им потачки. Я наметил приблизительно трёх таких. Кого желаете вы?

Перед деловым предложением веселье умолкает. Называют ряд фамилий. Сперва по симпатии, затем каждая кандидатура всесторонне обсуждается, и остаются самые надёжные, которые ни при каких обстоятельствах не уронят честь колонии.

К сожалению, не могу сказать, чем закончился этот опыт, так как уехала раньше, чем колонисты поступили на службу.

“Конгресс”. Особо важные дела решает “конгресс”, т. е. педагогический совет плюс совет командиров. При мне “конгресс” ни разу не заседал.

Общее собрание. Обычно же постановления, обязательные для всех, исходят от общего собрания и проводятся в жизнь советом командиров.

Общие собрания в Куряже в организационный период были очень часты, почти каждый день. В Полтавской колонии, по словам воспитателей, они бывали один-два раза в неделю. Однако и частые, для ребят они нисколько не утомительны. Наоборот, все относится к собранию с большим интересом. Не мало этому способствует “соломонов суд”, творимый заведующим колонией, как занятное зрелище и как возможность разобраться во всех своих недоразумениях.

Общее собрание проводится после ужина. Начинается рапортами командиров о проделанных за день работах, тут же возникают дела о нарушениях копонийской дисциплины, и заведующий колонией, если они невинного свойства, на месте их разбирает.

Например, командир рапортует:

– Работали там-то. Сделали столько-то. Всё хорошо. Только Ф. ушёл с работы и всё время просидел с книжкой под церковью.

– Где Ф.?

Рослый мальчик лет шестнадцати подымается.

– Почему ты ушёл с работы?

– Я не могу работать в такой обстановке.
– В какой это?
– Шурка и Женька в меня кидают глудками.
– Шурка и Женька, вы кидали в него?.. Да где вы там!? Выйдите вперёд, вас не видно.
В пространстве между скамьями, при общем смехе, появляется пара крохотных ребят.
– Зачем вы обидели Ф.?
Снова смех.
– Да мы ничего. Я как ударил сапкой, земля отскочила, и глудка в Ф. попала. Он заплакал и пошёл...
– Нет, я видел, они нарочно в него кидали, – выскакивает кто-то.
– Они в меня нарочно кидают, потому что я жид...
– Ты не один здесь еврей, – говорит заведующий колонией, – почему же других уважают, а тебя каждый пацан обижает?.. Постыдился бы. Ты не умеешь завоевать уважение товарищей – вот в чём дело.
– Я бы тоже не мог так работать, – подымается один из старших. – Что же это за отношение к человеку? Каждый норовит его смазать, каждый норовит толкнуть и всё “нечаянно”... Нет, Антон Семёнович, этому надо положить конец.
– Можно мне? Ф. не любит работать, вот он и отлынивает, – вмешивается другой. – Что ж, он такой здоровый хлопец, не может с пацанами справиться...
– Он тихий, – отстаивает своё положение первый, – человек не желает драться, а каждый пользуется этим.
– Тихий!.. Хвастун он – вот и всё. Я, говорит, боксом могу всякого побить, а сам трусится...
– Это к делу не относится, – останавливает заведующий колонией. – Как же с тобой быть, Ф.? Отрядить специально хлопца, чтобы он тебя защищал?
– Я не могу работать в таких условиях.

– Ты не хочешь работать. Если бы ты был проще и иначе относился к труду, тебя все уважали бы. Ведь мы уже делали опыты: совет командиров брал тебя под свою защиту, тебя никто не трогал, и ты всё равно не работал. Завтра, по сигналу “на работу”, возьмёшь книжку и пойдёшь сидеть под церковью. Читай, пока товарищи будут работать. (Секретарь совета командиров фиксирует).
– Я...
– Довольно. “Третий о сводный”!
– “Третий о сводный” – всё хорошо. Двенадцатый отряд – всё хорошо, только Ветров за обедом сломал ложку.
– Ветров!
Поднимается детина лет девятнадцати, глуповато ухмыляющийся.
– Расскажи, как ты сломал ложку?
– Нечаянно. (Смех.)
– Так азартно ел? (Смех.)
– Нет, мне Иванов подвернулся: я его хлопнул ложкой, она и сломалась.
Смех возрастает. Провинившемуся и самому, видно, смешно.
– Если тебе ложка нужна как оружие, так ты за обедом можешь и без неё обойтись. Неделю обедать без ложки.
– Есть.
Секретарь совета командиров фиксирует. Ветров под общий смех усаживается.
Одним из последних рапортует комендант:
– Комендантский отряд – всё хорошо. Во время комендантского обхода: во-первых, оказалась неубранной койка Тамары...
– Как неубранной?
– Совсем не застлана. У неё всегда плохо застлана, а сегодня всё разворочено.
– Тамара!
Поднимается маленькая сероглазая девочка и неожиданно басит:

– У меня всегда застлата. А сегодня если не застлата, так я дежурная по столовой и спешила. Я сказала дневальной – застели, она не застлала; чем я тут виновата?

Раздаётся ржанье ребят, предвкушающих расправу.

– Ага, тебе нужна горничная? Вот не знал, что у нас в колонии есть ба-рыня. Девчата, Тамаре нужна горничная, кто согласится в течение недели ежедневно стлать ей постель?

Среди девочек не находится желающих.

– Хлопцы, может быть, кто-нибудь из вас пойдёт горничной к Тамаре?

– Я! – кричит весельчак Перцовский. Это неожиданное согласие встречается хохотом.

– Запиши, – говорит заведующий колонией секретарю совета командиров, – на неделю Перцовский назначается горничной к Тамаре.

– И главное, никогда он не задумается! – слышу я позади себя восторженный возглас.

Если проступок серьёзен, заведующий колонией быстро бросает секретарю:

– Под суд.

В таком роде проходит часть собрания. Весело, шумно, так как колонисты с увлечением ждут, что ещё выдумает Антон Семёнович, бояться пророчить слово.

Последний рапорт дежурного воспитанника. Затем заведующий колонией делает доклад о состоянии колонистских дел, иногда отчитывается в затраченных суммах. Закончив, спрашивает:

– Есть какие-нибудь вопросы?

Воспитанники, имеющие какие-либо претензии, заявляют их. Они разбираются, недоразумения улаживаются приблизительно в том же стиле соломонова суда.

Заявления воспитанников далеко не всегда носят личный характер. По большей части они имеют общественный интерес и часто служат стимулом для какого-либо нового постановления. Например, раздаётся голос:

– Можно мне?

– Пожалуйста.

– Это, Антон Семёнович, дело – чтобы на окнах сидеть? Посмотрите, как стенку ногами измазали. Ещё ремонту не было, а когда побелют клуб – что получится?.. И дня чистым не простоит!

– А правильно ведь, хлопцы! – говорит заведующий колонией.

– Правильно!.. Правильно!..

– Кто за то, чтоб не сидеть на окнах, подымите руки. Единогласно. Запиши: общее собрание запрещает сидеть на окнах во всех помещениях колонии.

Тов. Макаренко прислушивается к каждому проекту, зародившемуся в голове воспитанника, и таким образом в хозяйстве колонии поддерживается образцовый порядок. Четыреста пар глаз смотрят, четыреста голов думают, как лучше сделать... И автор принятого предложения горд тем, что его бдительность оказалась на общую пользу, особенно, ежели он не командир, а рядовой колонист. Ни один пустяк не ускользает от коллективного хозяйского глаза, а дух соревнования толкает к дальнейшим наблюдениям. Поэтому, если кто-либо из колонистов заявляет, что “Петька и Шурка разложили костёр и сожгли огребину хлеба”, то это вовсе не донос, как часто представляется посторонним, а апелляция к хозяйственному коллективу о предотвращении в дальнейшем таких опасных действий со стороны его отдельных членов.

Внушение: всё создано самими колонистами. Итак, все ребята участвуют в созидании колонии, все заинтересованы в нём, и естественно, что автор принятого предложения о том, что необходимо сделать крышку на бочку с помоями, так как в ней тонут цыплята, чувствует свою долю участия в хозяйственном процветании колонии, гораздо большей, чем она есть на самом деле, ибо этому возрасту свойственно преувеличивать. Старшие колонисты уверены, например, в том, что и процветанием в педагогическом отношении колония обязана исключительно им. Я как-то обмолвилась при

одной из старших девочек, что Антон Семёнович замечательный педагог и организатор.

Она посмотрела на меня удивлённо:

– А чтобы он мог без нас сделать? – Ничего.

– Ну, разумеется, – поспешила я исправить свою ошибку, – если бы вы не захотели, ничего бы не вышло. Это ясно. Но я говорю в том смысле, что Антону Семёновичу первому пришла в голову мысль. А смог он её осуществить, конечно, только благодаря вашей поддержке.

Вся жизнь колонии проникнута этим внушением и ему обязана [она] своим процветанием. Мне пришлось в другом месте наблюдать у ребят заинтересованность материальную (доля в прибыли мастерских), результаты её далеко не так блестящи, как результаты этой творческой заинтересованности. И не только в педагогическом смысле (об этом уж и говорить не приходится), но и в хозяйственном. В этом возрасте, когда влечёт авантюра, когда пробуждающееся общественное чувство и творческие способности требуют исхода, чрезвычайно важно дать им здоровую пищу, здоровое направление. А вопрос о деньгах даже там, где есть нужда, обычно не бывает стимулирующим до полной возмужалости. И денежный интерес даже у таких циников, как беспризорные, очень легко уступает какому-либо другому: шалость, выпивка, смелое “дело”.

Между тем творческое участие в общем хозяйстве заставляет ребят упражняться в наблюдениях над общественной жизнью, обдумывать мероприятия к улучшению её, ибо у них возникает уверенность, что они сами творцы её.

Внушение: свободный выбор. Чтобы ребята не чувствовали себя осуждёнными в колонию преступниками, тов. Макаренко принимает через совет командиров не только беспризорных и правонарушителей, но и ребят из семьи (конечно, незначительный процент), которых почему-либо желают поместить в колонию родители, а также младших братьев и сестёр колонистов.

Воспитанников первого типа в колонии несколько. Особенно колонисты гордятся воспитанником Ф. (тем самым, в которого “глудками” бросали) (ниже это Михельсон – прим. ред.). Мать его – женщина-врач на Украине, отец – лидер консервативной партии, член парламента в Палестине. Товарищи гордятся учёностью Ф., владеющего несколькими языками, прекрасного математика и т. д. Но в то же время он их и возмущает своею неприспособленностью, нелюбовью к физическому труду и фальшивой развязностью. Поэтому бедному Ф. так попадает, как редко кому. С ним вечные казусы. Вот, например, полка. (Моё рабочее дежурство.) Командир объясняет Ф.: это арбуз, а это сорная трава. Сорную траву сбивай, а арбузы подкапывай.

– Да знаю, знаю, чего ты меня учишь.

Ф. самоуверенно берётся за сапку и, читая товарищам лекцию по ботанике, сбивает арбуз за арбузом. Над ним начинают издеваться. Он делает вид, что не замечает насмешек и, чтобы восстановить свою общественную стоимость, преувеличенно громко обращается ко мне с какою-то учёною речью, уснащённою, без всякого чувства меры, иностранными словами. И, как ни восхищаются втайне его учёностью товарищи, явно они её презирают. Особенно их возмущает, когда он начинает “задаваться”, как они говорят.

Возбуждает их негодование и то обстоятельство, что он, явившийся в колонию чистеньким и белоручкой, страшно опустился и способен ходить с грязной шеей, с грязными ушами и руками, пока кто-нибудь не обратит на это внимание.

– Пришёл в колонию. Как, говорит, на колониста червонец в месяц тратится? Да на меня одного десять тратили. Барин какой, подумаешь! А посмотрите: швыряет сор, плюётся где попало, хуже нас.

На общих собраниях вечно о нём говорят. В наказание за то, что плюётся, заведующий колонией посылает его в столярную мастерскую сделать плевательницу. Тогда командир отряда столяров жалуется, что он, вместо того чтобы работать, делает чертежи и измерения (плевательницы!) в течение нескольких дней.

Ф. истеричен. У него создаётся впечатление, что его ненавидят, он очень страдает, старается быть проще, но, так как не знает ни в чём меры, простота его переходит в неестественную развязность. В конце концов он попадает под суд за нежелание работать, и товарищеский суд запрещает Ф., впредь до исправления, непосредственно общаться с воспитателями и старшими колонистами. Разговаривать ему с ними разрешается только через командира. Но судьба улыбается Ф., он попадает в отряд к Курянчику, одному из самых уравновешенных и доброжелательных колонистов. Он решает, что должен “сделать из Ф. человека”, и действительно достигает того, что о Ф. меньше начинают говорить в колонии. Курянчик трогательно заботится о своём питомце. Как-то Ф. попал в сводный к другому командиру, буяну и забияке, и я слышала, как Курянчик, проходя мимо сказал ему:

– Что, трудно тебе? Ну, ничего, потерпи немножко. С понедельника опять со мной будешь работать.

Впрочем, Ф. к этому времени начал понимать, что ненавидят не его, а его отвращение к труду. (В апреле 1927 г. я посетила колонию и не узнала некогда расхлябанного Ф. в стройном, чётко движущемся и чётко говорящем командире).

О младших своих братьях и сёстрах воспитанники ходатайствуют перед советом командиров. В колонии существует правило никогда в таких случаях не отказывать. Но всё-таки ребята мотивируют свои заявления. Мотивировка бывает различная. Обычно хотят спасти от улицы. Но бывает, что и имеющие родителей желают поместить своих младших братьев и сестёр в колонию, так как уверены, что в семейной обстановке те собьются с пути.

Я спросила одного рабфаковца, бывшего колониста, юношу из интеллигентной семьи:

– Зачем ты сюда поместил брата? Ведь у тебя есть мать?

– Моя мамаша, правда, с университетским образованием, но весьма плохая воспитательница. Удерёт он от неё бродяжить, как я удрал.

Другой старший колонист, крестьянин, поехал в отпуск домой и привёз из деревни младшую сестру.

Утром, на другой день после его приезда, я увидела, что он кормит какую-то девочку конфетами, и подошла.

– Сестрёнка моя, – объяснил он. – Она маленькая, балуется дома, не учится. Вот тут теперь пускай к работе привыкает. Чтоб она не скучала очень, я ей гостинца купил.

Если в колонию присылают бежавшего из неё или же он сам добровольно возвращается, то совет командиров ещё тщательно взвесит, стоит ли он того, чтобы ему простить побег. И ежели он во время пребывания в колонии проявил только отрицательные качества, ему обязательно откажут в приёме.

Таким образом колония совершенно теряет характер ссылки. Это – коммуна, где гранятся характеры и приобретаются общественные и трудовые навыки.

Чувство собственного достоинства. Благодаря ощущению свободы, нормальному труду и физическому здоровью, а также забвению, которым здесь окружают его прошлое, колонист в высшей степени обладает чувством собственного достоинства. Прошлое осталось за стенами колонии. То что с ним там произошло, могло случиться с каждым слабым неприспособленным человеком, оказавшимся в таких же условиях. Об этом не стоит говорить и не стоит думать. Надо научиться ограждать себя в дальнейшем от таких случайностей. Для этого необходимо приобрести знания и трудовые навыки. Это даётся школой, мастерскими и сельскохозяйственными работами. И так как каждый чувствует, что никто не оценивает его личность с точки зрения его позорного прошлого, в колонии очень редко можно услышать хвастливый рассказ о совершённых преступлениях. Не в моде и жаргон, хотя некоторые словечки его и продолжают жить, не в большей мере, однако, чем среди рабочей молодёжи. Не в моде и песни, приносимые обычно ребятами улицы в учреждения такого рода.

И хотя они постоянно под надзором, и хотя с их дурными привычками упорно борются, у них всё время сохраняется впечатление свободы и самостоятельного выбора. Ведь им ничего не запрещают (кроме ругательств), им просто подсовывают новое, и они, не замечая, его принимают.

Они гордятся своей свободой, своим новым достоинством. Но в подсознании, очевидно, живёт умышленное воспоминание: можно обругать колониста самыми крепкими словами, и он только небрежно ухмыльнётся в ответ, но стоит назвать его бандитом (название лестное для обыкновенного мальчика), и он придёт в бешенство.

Но во всяком случае это – таинственная область подсознания. Это болезненное место, которое изредка ноет. А повсечасно он знает, что все проникнуты к нему доброжелательным уважением и что он это уважение заслужил.

Два различных метода. Тут мне хочется сделать небольшое отступление, а именно – рассказать о работе другой колонии, чтобы на контрасте показать верность метода т. Макаренко.

В этой колонии проводился комплекс “Беспризорность и методы борьбы с нею”. Ребятам разъясняли причины роста непризорности, говорили о непризорности в Европе, приводили статистические данные. Ребята чертили диаграммы, пели воровские песни, которые записывались воспитателями, помогали заведующему колонией составить таблицу “Орудия производства непризорности”, где висели в полном порядке все инструменты, начиная с “фомки” и кончая “пёрышком”. Жаргон, естественно, при этом вечном напоминании был в полном ходу, служба в свою очередь напоминанием о прошлом. Ведь язык не только отражает нравы, но и создаёт их. И, наконец, была сыграна пьеса “Ширмачи” (карманщики), с увлечением, испугавшим самого заведующего колонией.

Ребятам старались растолковать то же самое: что не в их порочности причина совершённых ими преступлений, а в условиях, создавшихся благодаря целому ряду исторических причин. Но им это растолковывали, вместо

того чтобы создать обстановку, в которой они могли бы додуматься, и в головах у них поэтому всё спутывалось.

И вот, несмотря на то, что в смысле образования и творческой любви к делу педагогический коллектив этой колонии стоял значительно выше коллектива горьковцев, результаты работы были неизмеримо ниже. В колонии царил грубость нравов, недалеко ушедшая от улицы, и чаще, чем у Макаренко, бывали случаи нарушения не только колонийского кодекса, но и уголовного.

Работа воспитателя (в этой колонии – *прим. ред.*) нервная, напряжённая, всё время как на вулкане.

При том составе педагогов, который там был – образованных и любовно относящихся к своей работе, должно было бы быть иначе. Дело тут, вероятно, в их хозяйственной беспомощности, с одной стороны, и в изучении явлений непризорности, с другой. Интерес, проявленный воспитателями к прошлому ребят, делает это прошлое значительнее в их (ребячьих – *прим. ред.*) глазах.

Простое же равнодушие к этому прошлому заставляет ребят отчасти забывать его, отчасти стыдиться. Раз те удалые проделки, которыми приучила их гордиться улица, – просто результат обстановки и ничего интересного, ужасающего, исключительного в них нет, раз никого этим не удивишь, так не стоит и вспоминать об этом. Все ребята улицы, в силу своей отверженности, любят “форсить”, любят производить впечатление. Это, пожалуй, самая вкоренившаяся черта. Но раз их песни, язык и подвиги оставляют всех равнодушными, значит, надо найти замену. И она находится в простой человеческой речи, в подвигах труда и великодушия и в песнях, усваиваемых на хоровом кружке. Как и на улице, гордятся храбростью и находчивостью, но она направлена в другую сторону.

Пожарная команда. Наибольшее применение эти качества находят в пожарной команде. Команда существовала в Полтаве. В Куряже, за массой очередных дел, к концу лета она ещё не была организована, но дело для неё всё-таки нашлось, и она блестяще его выполнила.

Вскоре после переезда в Куряж, когда огорчённые горьковцы убедились во враждебности окрестных крестьян, вдруг представился случай показать себя селу: в одну из хат ударила молния. Хата загорелась. Ребята, бывшие раньше в пожарном отряде, кинулись на место пожара.

Так как огонь был с неба, то вокруг горевшей хаты стояла толпа селян с иконами, и никто ничего не делал. Горьковцы, под руководством рабфактовца Калабалина, преподававшего им гимнастику, взломали, двери, выволокли скотину, а гимнаст Калабалин на плечах вытащил старика из пылающей избы. (Про указанный пожар с участием в нём Калабалина см. у А.С. Макаренко в ПП-2003 в гл. Первый сноп. С. 591-1 – прим. ред.).

Сознание своего долга, гордость им. Гордятся личными подвигам, хотя о них и мало разговаривают. Но так как колония вызывает к себе большой интерес, её постоянно осматривают и ею восхищаются, а никому из посторонних не интересен Иванов, Петров и Сидоров, то перед ними гордятся коллективным подвигом, имя которому – Колония. Очень интересно было следить, как куряжане постепенно заражались этой гордостью, а следовательно, уверенностью, что колония – их дело. “Честь колонии”... об этом не говорят, разве только заведующий колонией, когда кого-нибудь распекает, но это чувствуют (почти все), и когда один из куряжан, при поездке в отпуск, прикарманил деньги, данные ему на билет, и, по старой привычке, проехавшись зайцем, в качестве какового и был пойман кондуктором, об этом заговорили на общем собрании, и большинству это было неприятно.

Чтобы дать понятие об этой коллективной гордости, расскажу о празднике, устроенном для колонии шефами.

Ребятам было заранее объявлено, что шефы приглашают их в такой-то день посетить зоологический сад и кино. Ребята в течение недели жили обещанным удовольствием.

В назначенный день колония выступила в город походным порядком в шесть часов утра.

Впереди барабанщик и знаменосцы. За ними дежурный воспитанник в чёрном праздничном костюме и красной фуражке. Затем воспитатели, а

далее длинной белой с синим лентой колонисты. Мальчики в трусиках, девочки в шароварах, у всех свёртки с завтраком на поясе и все босиком (десять вёрст).

При входе в город их встретили шефы с оркестром. Около четырёхсот человек, по четыре в ряд, стройно, как воинская часть, маршировали по городу, вызывая удивление и любопытство у прохожих. Малыши (10-12 лет) не отставали от старших, хотя ноги устали, и камни мостовой жгли. При проходе в калитку университетского сада, расположенного перед зоологическим, ни замешательства, ни толкотни.

Пока шефы разговаривают в кассе зоологического сада, горьковцы по команде “разойдись” весело разбегаются. У кого сохранились карманные деньги, отправляются пить квас, некоторые угощают товарищей.

Только возле знамени остаются четыре человека, неподвижные, как статуи, – два знаменосца и два ассистента с винтовками.

Шефы возвращаются. Сигнал “сбор”. Очевидно, наслаждаясь быстротой и точностью движений, выстраиваются ряды и незаметно переходят в одну шеренгу перед калиткой зоологического сада, в которую пройти можно только поодиночке. Пока не вошёл последний, шеренга чинно извивается по дорожкам между клетками. Но вот все в саду, и по команде дисциплинированная воинская часть превращается в весёлую толпу детей, восторженно прилипших к клеткам.

Только у знамени вытянулись “смирно” четыре человека, которых по очереди замещают все старшие колонисты.

Сигналист трубит сбор. Не без сожаления отрываются ребята от клеток, строятся и выходят в университетский сад, где разбившись по отрядам все, за исключением часовых у знамени, располагаются завтракать прямо на траве в овраге. Вокруг стоит толпа зрителей. Во время еды это несколько раздражает, но ребята ведут себя сдержанно.

Позавтракав, каждый отдаёт бумажку, в которую была завернута снедь, своему командиру. Дело командира – разыскать мусорный ящик. После завтрака колонистов ни одной соринки не остаётся на траве. Это – урок харь-

ковцам, засоряющим парк и университетский сад скорлупой от яиц и грязной бумагой.

В кино отправляются так же стройно, так же молодцевато маршируя, хотя ноги горят и у некоторых ссадины. Но важнее всего не ударить в грязь лицом перед горожанами, показать им беспризорных в новом виде, дисциплинированными и организованными.

Глядя на горьковцев, я вспомнила посещение театров с комсомольским драмкружком одного из харьковских клубов: вызывающую манеру держаться, гвалт и толкотню...

И там и тут поведением ребят, очевидно, руководило одно желание – удивить улицу. Но в силу общественного положения приходилось прибегать к разным приёмам. Чем может удивить комсомолец, мальчик из приличной рабочей семьи, как не хулиганством, и чем может удивить беспризорный, как не гордостью своим домом, своей организацией, созданной собственными руками?

Наказания. Наказание обычно налагается либо заведующим колонией (в его отсутствие – заместителем), либо судом. Воспитатель не правомочен в этом отношении.

Это необходимо, чтобы избежать разнобоя в этой области. “Обыкновенно наказание страдает тем, что, разрешая один конфликт, оно в себе самом содержит новый конфликт, в свою очередь требующий разрешения” (Макаренко А.С. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького). Колония ищет такой формы наказания, которая совершенно исчерпывала бы проступок. Искания ещё не доведены до конца, но всё же определились следующие группы (классификация их, конечно, только приблизительна):

I. Наказания, рассчитанные на то, чтобы, не обижая, не причиняя боли, дать почувствовать силу общественной организации, причём наказание является логическим следствием проступка. Пример такого наказания: отряд производственников (ребята, работающие в городе) за вечный беспорядок в их спальне назначается на воскресенье нести обязанности комендантского

отряда, т. е. произвести уборку всей колонии. Логичность этого наказания ясна для всех и не может в силу этого вызвать неудовольствия.

II. Выделение из коллектива. Например, не желающие подчиняться правилам, обязательным для всех, могут получать пищу только по ордерам заведующего колонией (т. е. перед едой они должны явиться к заведующему колонией за разрешением, причём посещения эти обычно заведующий старается использовать для соответствующей незаметной беседы с провинившимися).

III. Наказания, рассчитанные на то, чтобы сделать провинившегося смешным в глазах коллектива, доводя его проступок до абсурда. Например, воспитанник А. уносит своей обед на лестницу под тем предлогом, что в столовой – обедать жарко. Так как приглашению дежурного возвратиться в столовую он отказывается подчиниться, проступок доходит до заведующего колонией, и провинившийся получает приказание неделю обедать на лестнице. Воспитанники, во время работы лежавшие, обосновывая это тем, что они – “не собаки”, приговариваются заведующим колонией к лежанию всё рабочее время на другой день, причём для них специально вытаскиваются кровати во двор и ставятся на самом видном месте, “чтобы всё проходящие видели, что мы никого не эксплуатируем”. Разумеется, товарищи, проходя мимо, не преминули поупражнять над беднягами своё остроумие. Неприятнее всего, конечно, быть смешным, и проступок, наказанный таким образом, никогда уж не повторяется. Конечно, о каком-либо издевательстве нет и речи, тон колонийской жизни не оставляет для него места, наоборот, мужественно перенесённое наказание вызывает уважение, и таким образом управляют отношения с коллективом.

IV. Наказания, рассчитанные на то, чтобы гневом потрясти провинившегося. Этот вид наказаний возможен только в том случае, если коллектив поддерживает воспитателя. А.С. Макаренко ребята больше чем любят, они им восхищаются. Это наказание, являющееся как бы естественной реакцией на какой-либо возмутительный поступок, рассчитано на то, чтобы поразить видом необузданного гнева у любимого, всегда уравновешенного и

шутливого главаря... именно главаря, так как т. Макаренко для них – нечто вроде атамана, живущего их жизнью, их интересами, только ведущего их не на грабежи, а в новую трудовую жизнь. Совершенно неважно в конце концов, что вы будете делать – швырнёте ли вы в провинившегося счётами или броситесь на него с кулаками, важно только, чтобы он почувствовал, что совершил нечто до того позорное, что вы не в силах сдержать возмущения.

А.С. Макаренко умеет не забыть, он играет, он хороший актёр и никогда не переигрывает, его публика всегда им заражена и покорена, он всегда ведёт её за собою. Сам он о себе говорит: “Я не педагог, я актёр”. Поэтому, если ему случится поколотить кого-нибудь из воспитанников, он сумеет сделать это так, что восхищение заведующим колонией у того не только не уменьшится, а, наоборот, увеличится. Если же нужно, он сумеет из наказания сделать небольшой фарс для наказываемого, но с ощутительным физическим воспоминанием.

Вот случай, происшедший в бытность мою воспитательницей в колонии. Как я уже говорила, т. Макаренко взял куряжскую колонию на том условии, что горьковцы помогут ему организовать куряжан. Горьковцы чувствовали ответственность, которая на них лежала, и подтянулись. И вдруг один из старших колонистов напивается пьяным, начинает буянить, а когда товарищи его связывают и укладывают в постель, у него делается рвота. Наволока, простыни измазаны. Ребята говорят: безобразия.

На другой день заведующий колонией приказывает ему срезать в лесу на себя палку. Провинившийся притаскивает огромную дубину и ставит её в комнате совета командиров.

– Зачем ты такую дубинищу приволок? – спрашиваю я.

– Это его Антон Семёнович бить будет, – хохочут ребята.

Провинившийся хитро прищуривается:

– Что я, дурак, что ли? Иванову раз сказал Антон Семёнович “принеси палку”, так он, осёл, и принёс прут. Ну, Антон Семёнович его и отстегал, ого! А этой дубинкой бить разве можно? Раз ударит – убьёт. А кулаком не больно.

И сидит покорно, ждёт с интересом, как будет реагировать Антон Семёнович на его остроумную выдумку.

После сигнала “спать” появляется заведующий колонией, грозно нахмуренный. Покосившись на дубинку, он, к величайшему сожалению задержавшихся под разными предложениями ребят, ничего не говорит, только делает едва заметный знак провинившемуся, и они уходят вдвоём. А дубинка, сразу перестав быть интересной, сиротливо остаётся торчать в углу.

На другой день утром я дружески спрашиваю провинившегося:

– Ну что, здорово тебя вчера Антон Семёнович?

– Было... – гордо отвечает он, положительно довольный этим приключением.

Не следует забывать, с какими навыками приходят ребята в колонию: ведь они выросли на улице, в нравах которой “подбрасыванье”, избивание “в тёмную” и т. д. Всё это так жестоко, что удар любимого воспитателя вовсе не производит впечатления жестокости, к тому же со стороны старшего товарища не оскорбителен, а т. Макаренко именно старший товарищ, а не начальствующее лицо.

... “Да, я избил воспитанника, я пережил всю педагогическую несуразность, всю юридическую незаконность этого факта, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук – дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мною задачей” (А.С. Макаренко. Из опыта Полтавской колонии им. Горького).

V. За медленность, опаздыванье и тому подобные проступки, нарушающие темп колонийской жизни, налагается особое почётное наказание – “под винтовку”. Приказ: “Под винтовку на пять часов”. Ответ: “Есть!” – военный поворот, винтовка в руках, вытянутая фигура, – всё это подхватывает обронённую чёткость. Почти всегда через пять – десять минут раздаётся команда: “Вольно!”, но обозначение количества часов показывает степень тяжести проступка.

VI. За особо скверные проступки, как воровство, подлог, систематическое нежелание работать и т. д., отдают под суд.

Педагогическая цель колонии – выработка правильных правовых отношений с социальной средой. Суд, давая, с одной стороны, почувствовать силу коллектива особенно ярко, особенно наглядно, производит очень сильное впечатление своей театральностью; с другой – служит предлогом для того, чтобы поставить моральную проблему (по конкретному случаю) перед обществом. Т. Макаренко считает эти моменты, а также стыд, связанный с этой процедурой для преступника, важнейшими в выправлении взаимоотношений с обществом, а также в реформировании личности. Он считает, что неважно даже наказание, налагаемое судом. Оно не должно быть наказанием, оно должно быть тропинкой к исправлению. Действительной карой является квалификация преступления в речи обвинителя, поэтому обвинителем бывает всегда сам заведующий колонией.

Суд происходит таким образом. К назначенному часу вся колония в сборе. Как и на общих собраниях, все без шапок. Судебный исполнитель объявляет:

– Под знамя встать! Смирно!

Сигналисты, стоящие с двух сторон на сцене, трубят. Входит дежурный в красной фуражке, держа под козырёк. Он пропускает на сцену знаменосцев, ассистентов и суд. Судьи – воспитанники, обвинитель – заведующий колонией, защитник – кто-либо из воспитателей. Судьи усаживаются, сзади почётный караул со знаменем.

Дальше идёт, как обычно в суде, с той разницей, что нет скамьи обвиняемых и подсудимый сам объявляет собранию о своём преступлении. Нет также и свидетелей, заранее вызванных, – всякий, желающий дать показание, говорит прямо с места, не оповещая об этом никого заранее.

На сцену поднимается мальчик лет шестнадцати. Ему, очевидно, очень стыдно. Голова низко опущена. Он – комсомолец, и имеет звание старшего колониста, что ещё более углубляет его вину.

– Расскажи, за что ты попал под суд, – говорит председатель.

Обвиняемый обращается к зрительному залу:

– Я был в комендантском отряде. Комендант послал меня купить 40 фунтов керосину для ламп. Я купил тридцать пять, а показал, что купил сорок. Деньги за пять фунтов я взял себе.

– У тебя был счёт лавочника?

– Я его подделал. Стёр тридцать пять и написал сорок.

– Мало того, ты не постыдился просить лавочника, чтобы он дал тебе поддельный счёт.

Обвиняемый ещё ниже опускает голову. В зале повисло тягостное молчание.

– Как был обнаружен подлог?

Обвиняемый молчит. Подымается бывший комендант:

– Я сразу заметил: он очень грубо размазал пальцем и написал другую цифру.

– Зачем ты это сделал? Тебе нужны были деньги?

– Да.

– Для чего?

Обвиняемый молчит.

– Тебе больше нечего сказать?

– Нечего.

– Иди. Челядин!

На сцену поднимается другой юноша, худой, зеленоватый. Смотрит он смело.

– Расскажи, за что ты попал под суд.

– За то, что у меня малярия...

В зале смешок. Тягостное настроение, вызванное предыдущей сценой, рассеивается.

– ... а я будто бы отказался принимать хину.

– Можно мне? – подымается воспитанник, заведующий больничкой. –

Он правда отказался. Я ему говорю: иди, принимай хину, а он говорит: не пойду. И не пошёл.

– Почему ты не принял лекарство?

– Доктор сказал, что не нужно, что он ещё что-то будет делать.
– Можно мне? – снова заведующий больничкой. – Мне доктор ничего не говорил, чтобы ему хину отменить.

– Доктора нет? – спрашивает председатель, глядя в зал.

– Нет, он в городе.

– Ты понимаешь, что разносишь заразу? (Обвинитель.)

– Понимаю. Только я не виноват. Мне доктор сказал: не надо.

И так далее, в таком роде продолжается разбор дел.

Речи обвинителя и защитника. Всегда суровая, и остроумная речь заведующего колонией, требующего самых жестоких мер пресечения. Примирительная, мягкая речь воспитателя-защитника.

Снова команда:

– Под знамя встать! Смирно! Снова трубы. И тем же порядком суд удаляется.

Приговор обычно читается на другой день в приказе. Особенно суровым, он редко бывает. Например, приговор по разбиравшимся на приведённом заседании делам заключался в следующем: воспитанник, обвинявшийся в подлоге, был исключён из отряда хозяйственников, и в течение трёх месяцев запрещалось кому бы то ни было давать ему какие-либо ответственные поручения, а также назначать на работу, требующую личной честности. Воспитаннику, отказавшемуся принять хину, разрешили получать пищу только по ордерам врача.

Театрализация. Театрализация и военизация, как средства воспитания, использованы самым широким образом.

Внешние действия, подчёркивающие организованность, доставляют большое удовольствие ребятам. Например, на общем собрании в зал собирается толпа, болтающая, хохочущая. Входит заведующий колонией. Никто не обращает на него внимания, пока он не дойдёт до стола президиума. Здесь он останавливается и снимает фуражку. Мгновенно все шапки сдёргиваются, и шумное сборище превращается во внимательное собрание. По окончании собрания, когда читается приказ, все поднимаются, выслушивая

его стоя, но надев шапки. И если кто-нибудь забывает надеть фуражку, сосед шёпотом напоминает ему об этом.

Если рапорта сдаются в кабинете, а не на общем собрании, командиры мечутся, раздобывая фуражки у товарищей. Заведующий колонией принимает рапорта стоя, держа под козырёк. Командиры выслушивают и сдают рапорта, отдавая честь. Посторонние, присутствующие при этой церемонии, должны встать.

Вытянувшись “смирно” и держа под козырёк, командир докладывает о проделанной работе. Заведующий старается использовать этот момент, чтобы приучить ребят к громкой и чёткой речи:

– Тринадцатый отряд – всё хорошо...

– Не слышу, – говорит заведующий колонией.

– Тринадцатый отряд – всё хорошо.

– Не слышу, – повторяет заведующий.

На физиономиях держащих под козырёк командиров расплывается улыбка.

– Тринадцатый отряд – всё хорошо, – ревет раздражённо командир.

Заведующий, делая вид, что не замечает раздражённого тона, улыбается, кивает и отмечает у себя рапорт.

Но обычно рапорта проходят гладко и торжественно. Ребята любят чёткость речи, любят ловкость поворотов и знают, что посторонние в это время ими любуются. В эти минуты больше всего чувствуются спайка и дисциплина колонии.

Когда бы и по какому поводу ни выносилось знамя колонии, делается это всегда торжественно. Всякий сознательный горьковец, если мимо проносятся знамя, встаёт и отдаёт честь.

Ребята любят эту театральную обрядность, с наслаждением её исполняют и строго следят, чтобы новички ей подчинялись.

Труд также обставляется театрально. О том, что на молотьбу в первый день выходят со знаменем, я уже говорила. Труд посвящаются специаль-

ные праздники. Самым торжественным из них считается праздник первого снопа.

К нему задолго готовятся. Совет командиров выбирает ряд комиссий, в которые входят воспитатели и воспитанники. Педагогический совет их утверждает. Совет командиров решает, кого пригласить на праздник в гости, заготавливает приглашения, рассылает их. Репетируется сочинённая ребятами на этот случай пьеса. Комиссии обсуждают, рассчитывают, делают закупки. Остальные колонисты живут ожиданием будущего праздника, составляющего эпоху в жизни колонии (до первого снопа, после первого снопа), и спешат закончить, по возможности, работы к этому дню. Случаи добровольной сверхурочной работы во время предпраздничной горячки особенно часты.

Наконец, все приготовления закончены. Агроном назначает день, в который надо начать жатву. Приглашения разосланы. Комиссия по убранству истощила всю свою фантазию, придумывая, как бы понаряднее сделать внешность колонии.

И вот, с утра, в назначенный день, развешиваются последние флажки. К воротам вытаскивают стол, накрытый красной материей. Члены комиссий, с красными бантами, пробегают то туда, то сюда, делая последние штрихи, отдавая последние распоряжения. За ними носятся, расцветая красными аксельбантами, малыши, исполняющие обязанности адъютантов. Сигналисты в красных футбольных костюмах, верхом на лошадях, украшенных лентами, выезжают за ворота. У комиссии по встрече гостей всё на месте: книга для посетителей, банты с колосками и приглашения к обеду. Выпадают какие-то пустые полчаса, томительно-торжественные, когда вдруг оказывается, что делать больше нечего.

Но вот верховые за воротами трубят. Это показался первый автомобиль. Его останавливают в воротах. Члены комиссии по встрече радостно накидываются на первых гостей, прикалывая им колоски, перевязанные красным бантом, предлагая расписаться и вручая приглашение к обеду:

19 отряд прохает вас обідати
за його столом.
Командир отряду
Бабич Василь.

Адъютант ведёт приезжего в комнату, приготовленную для гостей. А тут уже снова и снова трубят.

Постепенно гости заполняют колонию. Колонисты с гордостью показывают им спальни, мастерские, клуб. Но они не скрывают и недостатков колонии. Подозреваю, не без тайного умысла ребята рассказывают, что колония не имеет своего оркестра, пришлось пригласить на этот день; что нет хорошей футбольной площадки, так как церковь мешает, и т. д.

Раздаётся сигнал “сбор”. Отовсюду стягивается колонийская масса. Спешно строятся и застывают в ожидании. Из-за церкви, под торжественные звуки “Интернационала” показывается процессия: в воздухе плывёт красное знамя, за ним выкатываются украшенные лентами и колосьями жатки. Бесшумно маршируют босые косари, сверкая лезвиями кос. Затем отряд девочек с серпами.

Им отдают честь, их приветствуют. Это – герои сегодняшнего дня и лучшие колонисты. Эту честь – косить первый сноп – надо заслужить.

Вся колония, в сопровождении гостей, отправляется в поле.

Ребятам задание: во столько-то минут скосить столько-то десятин.

Косари торопливо обкашивают отмеченный кусок. Среди солнечной тишины полей жатки, сверкая на тёмном фоне леса красными бантами, быстро движутся. Срезанные колосья подхватываются, связываются в снопы, складываются, в копны. Всё мелькает в буйном движении. Только на опушке леса – четыре неподвижные фигуры у знамени.

Задание блестяще выполнено. Сверкающий трубами оркестр играет туш.

Тогда самый старший колонист берёт первый связанный сноп и передаёт его самому маленькому со словами (приблизительно) :

– Прими этот сноп, расти на гордость колонии и постарайся в будущем заслужить честь самому косить первый сноп.

Тот принимает, отвечая:

– Благодарю тебя. Я приложу все усилия, чтобы вырасти смелым и сильным, как ты, и, подобно тебе, заслужить честь косить первый сноп.

Снова оркестр. Колонисты кричат ура. Начинается забава – перевязыванье перевеслами гостей и воспитателей.

Затем, посреди волнующейся ржи, среди сверкающих кос, труб, лент, у ярко алеющего знамени, говорят речи, все встречаемые одинаковым восторгом, ибо солнечный хмель ударил в головы.

Так же торжественно, с первым снопом впереди, возвращаются с поля обедать. Обедает около семисот человек. Зрительный зал также превращён в столовую. Он убран флажками и гирляндами. Столы, за неимением ска-тертей, застланы простынями, уставлены цветами, на каждом столе карточка с номером обедающего за ним отряда, так что гость может занять своё место, ни к кому не обращаясь, просто сверившись со своим приглашением. Тем не менее всех встречают члены хозяйственной комиссии, указывают места, обмениваются любезностями. Среди приглашённых много крестьян; их усаживают на почётные места, поближе к знамени.

Знамя на сцене. И четыре человека возле него. В этот день все имеющие звание колониста, воспитанники и воспитатели (и бывшие воспитатели, приехавшие в гости), несут возле знамени караул по очереди.

Обед, по колониjsкой жизни, роскошный: прекрасный суп, жареные куры, мороженое. Колонисты не набрасываются на еду. Едят чинно, занимают гостей разговором, заботятся о них в первую очередь. Гости, знающие быт подобных учреждений, удивляются.

Я вспоминаю, как в другой колонии мои драмкружковцы, изображавшие на сцене американских миллиардеров, пожирали жареную свинину – редкое блюдо в колоний, как голодные волки, раздирая мясо прямо руками.

Горьковцы же сохраняют чувство собственного достоинства. Неловко немножко, что не привыкли к ножам и вилкам (это – роскошь, обычно обхо-

дятся одними ложками), но и эту трудность мужественно стараются преодолеть.

После обеда все получают пряники и конфеты. Гости вступают в игру с ребятами: зажимают в одной руке пряник и прячут руки назад. Угадавший, в какой руке лакомство, выигрывает. Все отчаянно мошенничают и весело хохочут, когда их хитрость обнаруживается.

Кто-то из гостей бросил на землю бумажку от конфеты. Тотчас же к нему подходит колонист и вежливо просит не делать этого, указывая ему урну для сора: ведь заведующий колонией не поверит, что насорили гости, и достанется колонистам.

Сигнал. На футбольной площадке уже всё приготовлено для представления. Оно разделено на три части.

Первая часть критическая: “Наши недостатки”. Это обозрение в стиле раёшника, сделанное одним из рабфаковцев. Здесь и помдет (комиссия помощи детям), молодой человек, которому конферансье жалуется на церковь, как бельмо на глазу, торчащую посреди колонии, рассказывает о трудах и затруднениях колонистов и прочее. Помдет пытается погладить колониста по голове и умилённый его стойкостью и трудолюбием, наконец, восклицает: “Запиши, триста одеял для колонии Горького бесплатно!” (Одеяла – это злоба дня, их получили в долг и очень хотели бы за них не расплачиваться). Тут и оркестр на гребешках, так как настоящего колония не может завести за недостатком средств. И целый ряд отрицательных типов колонии. Например, пародируется Ф. :

Работать сверх силы готов и я,

Но для работы мне нужны условия.

Вторая часть: “Наши усилия”, балет-пантомима, сделанная мною: вначале развал, машины стоят без движения, колёса мёртво лежат на земле, ребята (куражане) лениво потягиваются, когда надо работать, предаются безобразному веселью. Но вот, пугая их стремительностью полёта, появляется первая полтавская ласточка в красной шапочке дежурного. Она надры-

вается в попытках заставить машины двигаться, а куряжан работать. И, наконец, общее оживление с приходом полтавцев.

Третья часть: “Наши мечтания”, сделанная отчасти ребятами, отчасти заведующим колонией и сильно сокращённая, по недостатку времени. Исполнители малыши, разделённые на два хора. Первый хор спрашивает.

– Что у нас будет через пять лет?

Второй. – Наверно, будет электрический свет. (Это... также злоба дня. Электростанция ремонтировалась и никак не могла приступить к работе, назначая всё новые и новые сроки).

Первый хор. – Свет будет через две недели.

Второй. – Ну, так, значит, будут электрические качели.

И так далее.

По окончании представления те, кто не остаётся ночевать, уезжают из колонии. Ребята ужинают. Сигнал спать. Завтра отдых. А там начинается страдная пора – жатва.

Эстетическое чувство. Горьковцы любят празднества и потому, что в них находят удовлетворение их стремление к красивому. Ребят приучают к мысли, что жизнь должна быть обставлена не только гигиенично, но и красиво; коврики в спальнях; цветники во дворе; украшения в клубах. Во время отдыха глаза должны смотреть на красивое, и самый отдых должен проводится красиво – танцы, музыка, пение. Физкультура не только развивает физически, но и приучает к смелому красивому движению. Ходить полуголым под солнцем не только здорово, но и делает красивее тело. При всяком публичном выступлении обсуждается, какие трусики и рубашки красивее надеть – красные, белые или синие. Работа хорового кружка так же обязательна для его членов, как и работа по корчёвке обязательна для отряда, принимающего в ней участие. Мне только казалось всегда, что было бы ещё лучше, если бы все колонисты обязаны были петь в хоре, независимо от их голоса. Думается, что все от этого выиграли бы. Сценическая работа, наоборот, не ограничена кружковством. В ней принимают участие все желающие и все, кто назначается заведующим, – воспитатели и ребята одинаково.

Спектакли, как и рабочие дежурства, связывают их товарищески, как равных.

Привычка жить красиво и чисто делает невозможным возврат к улице. Надо быть бродягой по призванию, чтобы победить эту привычку и снова опуститься до грязных лохмотьев.

Единая воля и педагогический коллектив. Вся колония, со всем своим сложным административным устройством, подчинена единой воле. Педагогический коллектив, как творческая единица, не существует. Заведующий колонией поглощает коллектив, хотя он и утверждает обратное. Это происходит совершенно незаметно для поглощаемых, так как обуславливается восхищением перед кипучей творческой энергией заведующего, его разносторонностью, его эрудицией. При системе тов. Макаренко ему и не нужны творцы-педагоги, – происходили бы излишние споры и столкновения, на которые затрачивалась бы энергия, нужная для дела. Педагог-исполнитель – идеал тов. Макаренко. Он говорит:

– Педагоги воображают себя творцами, тогда как на самом деле педагог – рабочий у своего колеса, которое он должен вертеть, ни на йоту не уклоняясь от заданного ему движения.

Таким образом работа воспитателя является не организующей, а только регулирующей ход машины, что, впрочем, на колонии отзывается благотворно: все части машины подчинены единой воле, во всём чувствуется властная рука, которой все доверяют и помогают. Работа воспитателя благодаря этому лишена напряжённой ответственности и нервности. Упрощается она и тем, что самая её тяжёлая часть – полицейские обязанности – возложена на командиров, а обязанности судьи – на заведующего колонией. При таких условиях воспитателю действительно легко стать товарищем воспитанника.

Обязанности командира накапливают у ребят педагогический опыт и при условии, что среди бывших воспитанников найдутся желающие, педагогический штат колонии со временем может быть набран из их среды, что безусловно является громадным достижением.

Летом 1926 г. горьковцы, учащиеся на рабфаке, несли обязанности воспитателей. Трое из них (у двоих в прошлом банда) замещали в колонии воспитателей, ушедших в отпуск, а шесть человек были приглашены окружной комиссией по делам несовершеннолетних в Харькове, чтобы водворить порядок в коллекторе. И в колонии, и в коллекторе ребята прекрасно справлялись со своей задачей.

С другой стороны, преобладание единой воли, отсутствие творческого педагогического коллектива имеет свои дурные стороны. Прежде всего оно грозит самому существованию колонии. Каждый, кто знакомится с жизнью колонии, невольно задаёт себе вопрос, что же будет с колонией в случае смерти тов. Макаренко. Вряд ли найдётся заместитель ему среди его сотрудников, а пришедший извне принесёт свою систему, и тогда это будет уже другая колония, по всей вероятности, не такая блестящая, не такая кипящая жизнью.

В настоящем это также не всегда хорошо отзывается на работе, так как воспитатели настолько восхищаются заведующим, что считают его педагогически непогрешимым.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВНУТРИ КОЛОНИИ.

Педагогический коллектив. Воспитатели соединены между собою главным образом территориально и производственно (в самом узком смысле этого слова). Главного связующего звена – общей творческой мысли, общего творческого усилия – нет. По крайней мере, в общей массе педагогов.

Творческая инициатива воспитателя находит себе применение только в узких хозяйственных вопросах (в журнале дежурства даже есть специальный параграф, в котором воспитатели высказывают свои соображения по этому поводу). Широкая же организация хозяйства, как педагогической основы, многими из них даже не учитывается. “Превалирование воспитательных задач (в хозяйствовании) ведь может иметь место только с точки зрения педагога – организатора. Воспитанник, да, пожалуй, и рядовой воспитатель, должен всерьёз переживать хозяйственную заботу, не отвлекаясь ни

какими посторонними соображениями” (А.С. Макаренко. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького).

“Не забывай, что ты не творец, а рабочий у своего колеса, движения которого ограничены”.

“Труд окончен – отдыхай и не вмешивайся в чужую работу”.

“Никто не должен выделяться”.

“Воспитатель, пользующийся исключительной любовью воспитанников, – плохой педагог”.

Так приблизительно можно формулировать заповеди, руководящие жизнью воспитателя и создающие довольно своеобразный быт.

Люди, совершенно чужие друг другу, собраны в одном месте. Творческая энергия их, не находя исхода, естественно, создаёт “подводное течение”, порою очень тягостное. Но внешне сохраняются добрососедские отношения; по вечерам воспитатели выходят подышать свежим воздухом, собираются группами, болтают. Время от времени устраиваются общие поездки в театр, вечеринки, но каждый живёт в одиночку, каждый живёт в своём углу, нет потребности поделиться наблюдениями, сделанными за день, каким-то новым, своим педагогическим опытом.

Цементом, скрепляющим этих чуждых друг другу людей, является общее восхищение заведующим колонией. Вот строки из одного письма: “Х. в колонии, он влюблён в Макаренко, говорит его словами, думает его мыслями”.

Это в большей или меньшей степени характерно для всех воспитателей колонии.

С воспитанниками. Воспитателей и воспитанников больше всего связывает равная ответственность перед законами колонии и перед воплощающим эти законы заведующим. Если воспитатель, по неведению, попадает в неловкое положение, никто из воспитанников над ним не издевается, наоборот, к нему относятся с сочувственной симпатией. Если заведующий распекает педагога в присутствии ребят, это не вызывает с их стороны ни

злорадства, ни неуважения к своему воспитателю: вместе работают, вместе развлекаются и ответ несут одинаковый.

Если кто-либо из воспитанников пристаёт к вам с незаконной просьбой, лучшим аргументом является ссылка на общую ответственность перед заведующим. Просьба сейчас же прекращается.

Связывает воспитателей и воспитанников между собою также общее участие в труде и развлечениях. Воспитатель обязан участвовать в спектаклях наравне с воспитанником, – это педагогический приём, подчёркивающий ещё раз их товарищескую близость. Разница между ними только та, что воспитатель – старший товарищ, обладающий большим опытом и большими знаниями, которыми он и делится с воспитанниками. Но если воспитатель не умеет сделать какую-нибудь работу, он нисколько не стесняется попросить указаний у воспитанников, его престиж от этого нисколько не страдает, а самоуважение ребят возрастает.

Я не умела вязать снопы. Колонисты с удовольствием приняли за моё обучение. Потом, наблюдая мою работу, они с чувством самоудовлетворения говорили:

– Вот, не всегда вы нас учите, иногда и мы вас чему-нибудь можем научить.

Зачастую можно видеть, как во время отдыха воспитатели и воспитанники вместе поют, либо танцуют. По вечерам, когда свободные воспитатели выползают подышать свежим воздухом, воспитанники усаживаются рядом с ними и товарищески болтают. Помощник заведующего колонией (комсомолец) увлекается футболом и в азарте не уступает никому из ребят. Когда он бежит и прыгает на площадке, только по длинным брюкам можно отличить его от его воспитанников.

Приказания дежурного воспитателя и его помощников выполняются беспрекословно не потому, что они воспитатели, а потому, что они дежурные: все понимают, какую ответственность несёт дежурный за свой день. Не будучи дежурным, воспитатель не имеет права распоряжаться в колонии или делать замечания. Заметив какой-либо беспорядок, он должен сооб-

щить об этом дежурному, но и дежурный не имеет права делать выговор, – это прерогатива заведующего, воспитатель же должен ограничиться дружеским указанием. И даже дежурный воспитатель, если видит в рабочее время валяющегося на солнышке колониста, обычно не спрашивает его, почему он лежит. Воспитатель обязан поверить словам воспитанника и поэтому избегает задавать вопросы, на которые может получить лживый ответ. К тому же каждый воспитанник на учёте и, если он не работает, значит имеет на это право: или он дежурил ночью и, следовательно, днём отдыхает, или он выгнан командиром с работы, в таком случае вечером ему придётся объясняться с заведующим колонией. В случае же, если лежащий просто отлынивает от работы, дело командира отметить его отсутствие, и всё равно ему не миновать разговора с заведующим. Воспитатель обязан верить (или делать вид, что верит) словам каждого колониста, что же касается командиров, то им верят безусловно и безоговорочно. При проверке работ дежурный обычно спрашивает: “У тебя всё?”, и командир перечисляет, кто отсутствует и по каким причинам. При обходе спален вечером дежурный воспитатель задаёт тот же вопрос и также удовлетворяется ответом командира.

Доверие, которым проникнуты отношения педагогов к воспитанникам, товарищеская простота, которая создаётся в результате его, переходят порою границы, и воспитанники оказываются посвящёнными в личную жизнь воспитателей, дают им советы и вообще принимают в их судьбе самое горячее участие.

Например, одна из воспитательниц разводится с мужем. В кругу воспитанников уделяется этому событию гораздо больше внимания, чем среди её сослуживцев. Они уговаривают её не делать этого рискованного шага:

– Вы ещё молодые, может, помириться и опять хорошо заживёте.

Когда я замечаю ребятам, что ей должно быть неприятно быть вечно осаждённой их советами и шутками, они наивно успокаивают меня:

– Ничего, она не обижается, она с ребятами дружно живёт.

Несмотря на всю неуместность такого бесцеремонного интереса к жизни воспитателей, он имеет и свои хорошие стороны: для ребят воспитатели становятся живыми людьми с плотью и кровью. Ребята перестают отделять себя от педагогов, они не обособляются в замкнутую массу и если мало рассказывают о себе, то просто потому, что о прошлом не принято говорить, а настоящее у всех на виду.

Несмотря на положение, что хороший педагог тот, которого любят не больше и не меньше, чем других, в колонии существуют любимые и нелюбимые воспитатели. Но нелюбовь сказывается только в том, что воспитанники с нелюбимыми меньше шутят, реже к ним подходят и, может быть, немного вежливее с ними, чем с любимыми.

Воспитанники между собою. Отношения ребят между собою отличаются большим разнообразием, соответственно с разнообразием возрастных групп: здесь собран молодежь от 10 до 20 лет.

Отношения старших между собою определяются их общественной стоимостью. Имеющие звание колониста пользуются наибольшим уважением. Есть дружеские ассоциации, объединённые либо общим хозяйством (один сундучок, общий табак и т. д.), либо соседством в спальне, работой в одном отряде, увлечением спортом, любовью к чтению и т. п.

Командиров не только уважают, но и подчиняются им. Командир может послать на тяжёлую работу и дать более лёгкую. Может ограничиться, в мелких случаях, собственной расправой, а может довести проступок до сведения заведующего колонией. Но если он ведёт себя слишком вызывающе, весь отряд имеет право просить о его смещении. Этим правом широко пользовались малыши, так что заведующий колонией в конце концов предложил им избрать командира, и совет командиров только утвердил его (обычно совет назначает командиров).

Отношение старших к младшим покровительственно – снисходительное. Малыши со старшими держат себя баловнями.

Старшие братья и сёстры чувствуют на себе педагогическую ответственность и усердно муштруют младших. Как-то утром, например, наблюдаю

такую картину: по двору идёт самый маленький колонист – мордочка у него упрямая и недовольная (“говори себе, говори, и чего только ты жужжишь над ухом!”). Сзади, с папкой под мышкой, шагает старший брат и со свирепой физиономией отчитывает младшего.

Через некоторое время спрашиваю у маленького:

– Шурка, за что это тебя брат ругал?

– Та!.. – безнадежно машет рукою Шурка: – шея грязная! – И вид у него при этом такой: что вот, мол, отдан несчастный ребёнок за грехи родителей произволу самодура и должен выполнять все его прихоти.

Что касается отношения с девочками, то среди горьковцев в большинстве они чисто товарищеские; куряжан это вначале удивляло; очевидно, у них было иначе.

В известном возрасте начинаются ухаживанья, но самого невинного свойства. Есть пары, о которых знают, что они впоследствии поженятся. Неписанный кодекс колонии гласит: “думать о браке можно только тогда, когда ты в состоянии содержать семью”. Есть и поженившиеся пары, вышедшие из колонии. Одна живёт в колонии – он получил должность кладовщика, она – прачки. У них комната и своё хозяйство.

Узнав, что в колонии проводится совместное воспитание, посторонние обычно рисуют себе гиперболические картины разврата (ведь молодёжь в колонии – бывшие правонарушители (!!)) и беспризорные). При этом упускают из вида те здоровые условия, в которых живут колонисты: тяжёлый физический труд, постоянное пребывание на свежем воздухе, умеренная и здоровая пища, спорт, отсутствие возбуждающей литературы и алкоголя, творческий интерес к колонии, наконец, просто привычка к девочкам, как к товарищам, – всё это делает нравы бывших беспризорных гораздо чище, чем нравы городской, положим, рабочей молодёжи.

Единственный трагический случай, когда из-за неудавшейся любви повесился один воспитанник, произошёл ещё в Полтаве. О нём мне рассказывали ребята.

Вообще же девочки входят в организм колонии как неотделимая часть. Они – хозяйки, кухарки, экономки, прачки, швеи. С ними ругаются, их благодарят, с ними дерутся, поют, играют, работают. Отношение к ним в массе слегка покровительственное, а как к работницам – критическое. Мальчикам иногда кажется притворством, что девочки не умеют делать такой тяжёлой работы, как они. Мальчики подсмеиваются.

Влюблённые пары не очень часты, типичное отношение к “своим девочкам”, как к сёстрам – пренебрежительно-доброжелательное.

Единственные враги девочек – колонийские франты. У них вечные споры:

- Опять пошьют брюки, как запорожские шаровары.
- Вы же сами просили клёши.
- Широкие внизу, а не такие, что их и одеть нельзя. – Так вы же меряли.
- “Меряли” !.. Зеркала даже у вас нет... Тоже, портнихи называются!

ОТНОШЕНИЯ С ОКРЕСТНЫМ КРЕСТЬЯНСТВОМ.

По наследству от куряжской коммуны горьковцы получили ненависть крестьян. Крестьяне ненавидели куряжан за их разбойничьи нравы и потому ещё, что считали себя ограбленными ими. По мнению крестьян, монастырские земли должны были отойти им, а не банде беспризорных, из которых всё равно не выйдет хороших людей, которые разорят хозяйство, истощат землю вконец.

Неурядицы в куряжской коммуне как будто оправдали это мнение.

Горьковцы были чрезвычайно огорчены этой враждебностью: под Полтавой на тридцать вёрст в округности у них были добрососедские отношения с селянами. Они посещали все деревенские празднества и свадьбы, и деревня в свою очередь бывала на колонийских праздниках. Каждое воскресенье крестьянская молодёжь наполняла парк колонии смехом и звуками гармошки.

Ребята страдали в новой обстановке. А тут ещё “церковный вопрос”. Причиной враждебности была ещё церковь, стоящая посреди колонии. В церкви происходили богослужения. Играя в футбол, колонисты выбивали иногда стёкла. А однажды несколько ребят устроили “антирелигиозное” выступление и уже нарочно стали бросать камни в церковные окна. Не знаю, что ими руководило, вероятно, они надеялись этими действиями побудить крестьян перенести церковь в другое место. Может быть, даже они думали помочь таким образом заведующему колонией, который хлопотал об этом в городе.

Одним словом, крестьяне не вытерпели, и церковный совет отрядил к заведующему с жалобой церковного старосту и сторожа.

Они пришли и с угрюмыми лицами ждали, когда заведующий освободится для разговора с ними.

Наконец, он обернулся к ним:

– В чём дело?

– Так что, товарищ заведующий, не годится так делать, – выступил вперёд церковный староста.

– Как? – поднял брови заведующий.

– Да что же это? Все окна в храме повыбиты!.. Ваши хлопцы камни бросают!.. Не годится так делать.

– Хорошо, – перебивает заведующий, – посчитайте, сколько стёкол выбито теперь, только теперь, за старое я не отвечаю, – они будут вставлены, – и он берётся за перо.

– Что?.. А?.. – переспрашивают недоумённо посетители, приготовившиеся, очевидно, к длинному и неприятному разговору.

– Все выбитые моими хлопцами стёкла будут вставлены, – внятно повторяет заведующий. – А чтобы им было не повадно впредь это делать, деньги на стёкла я возьму из средств, отпущенных на их питание. Это будет самое лучшее для них наказание.

Лица посетителей расцветают в радости:

– Господи!.. Да оно что ж... Ведь оно, конечно... Да оно же не наше. Оно же всем нужно!.. Государственное, так сказать, достояние... Оно ж и ваше и наше...

– Да, да, и наше, – кивает с усмешкой заведующий и принимается писать, не слушая больше восторженных бормотаний представителей церкви. Те, слегка обиженные, что сердечные излияния их не приняты, удаляются, провожаемые насмешливыми взглядами колонистов, вежливо, однако, перед ними расступаящихся.

– Заведующий – справедливый человек, – решает деревня. – Крестьяне приглядываются, как он ведёт хозяйство, и с удивлением оценивают, что и хозяин он хороший, а колонисты прекрасные работники. Они начинают проникаться некоторым уважением к колонии, сдобренным доброй дозой недоверия.

Во время пожара, о котором я уже говорила, колонисты выказали себя смелыми и распорядительными. Это был ещё один удар тарана в ворота недоверия.

Затем на общем собрании появился представитель сельской комсомольской ячейки с просьбой помочь селу отстроить сельбудынок (избу-читальню). Сообщая об этом собранию, заведующий колонией объясняет ребятам, что деньги на это колония могла бы отпустить только из сумм собственного хозяйства. Сто рублей, просимые селом, составляют для хозяйства колонии большие деньги, возможно, что ребятам, благодаря этому расходу, придётся себя урезать. Так как им придётся нести лишения, связанные с этой тратой, то пусть они сами и решают, как поступить.

Колонистов не может остановить такой пустяк, как неаккуратное получение карманных денег. Они в восторге, что село делает к ним первый шаг. Подымается крик:

– Дать! Дать!

Один из воспитанников предлагает, если нужно, помочь и рабочей силой. Представитель сельской ячейки отказывается: нет, в рабочей силе у них нет недостатка, а вот деньги...

Заведующий голосует:

– Кто за то, чтобы дать селу деньги на постройку сельбудынка, подымите руки. Единогласно!

Таким образом шаг за шагом разбивалось недоверие крестьян. Но в основе враждебности лежал вопрос о земле, первопричине всех сильных чувств деревни. И с этим бороться было трудно. Воспитатели пользовались каждым случаем, чтобы разбить предубеждение против колонии, беседуя с крестьянами. Мне лично пришлось говорить по этому вопросу дважды.

Я шла с вокзала в колонию. Впереди меня шло несколько работниц. Они возвращались из города и бранили беспризорных.

– Вот у нас на фабрике, – пожаловалась одна из них, – тянут, тянут с нас деньги, каждый месяц вычитают из жалованья. А на что? Всё равно полно на улицах. Просило село, чтобы этих, с монастыря, убрали. Землю всю, накось, им отдали... Чтобы дать человеку рабочему, которому она на пользу, а то этим висельникам!

– Учат, говорят. А чему их там учат, спросите? Кормят дармоедов на наши денежки.

Я не вытерпела и вмешалась:

– Скажите, а что же, по-вашему, с ними сделать? Потравить их всех или что?

– Нет, зачем травить? Травить неловко!

– Так что же? Оставить расти на улице, чтобы вправду стали разбойниками? У вас есть дети?

– Ну да, есть.

– Так радуйтесь случаю, что они не на улице. А если б вы жили во время голода не на Украине, а на Волге, вот ваши дети и были бы теперь беспризорными. Большинство, наших ребят – крестьянские дети, потерявшие во время войны и голода родителей. Куда им деваться? Ремёсла они не знают никакого, читать и писать не умеют, что ж им ещё остаётся? Ясно – воровать. Государство подбирает их с улицы, обучает, делает честными

людьми, неужто ж вам жалко внести в это дело свою лепту, какие-то там несколько копеек, которые у вас вычитают?

– Да, как же, сделаешь их честными!

– Они работать не хотят...

– А вот вы придите в колонию, да посмотрите, как они “не хотят работать”. Вон в колонии хозяйство какое, кто ж, думаете, там работает? Ребята эти самые, беспризорные. В колонии их обучают ремеслу и учат в школе; кто хочет, потом поступает дальше учиться – на доктора, инженера, учителя, а кто хочет, идёт на заводы. А многие колонисты ещё там, где они раньше были, под Полтавой, поженились на деревенских и остались в селе. Им колония к свадьбе подарила кому телёнка, кому поросёнка...

– Откуда ж она взяла?

– Из своего хозяйства. Вон земли сколько, хлеб свой будет, не покупать. Вот вам и прибыль. Поросят продают, телят, мало ли. Разве это не полезное дело? Или, по-вашему, лучше их всех в тюрьму посадить? Так, когда-нибудь всё равно выйдут оттуда, а уж там хорошему не научатся, будьте покойны.

– В тюрьме, конечно...

– Ведь это ж дети несчастные, а не разбойники. Небось вы не жалуете нищему подать, а он, может, пропьёт ваши деньги, а на беспризорных двадцать копеек в месяц жалуете. А вычеты с вашей фабрики, может, несколько человек от гибели спасают.

– Ну ладно, придём в вашу колонию, посмотрим, правду вы говорите или нет.

Второй разговор произошёл через месяц во время празднования годовщины комсомольской ячейки колонии. Празднование подогнали к воскресному дню, чтобы могли приехать шефы колонии – рабочие.

Праздновали на открытом воздухе, под деревьями возле церкви.

В церкви шла служба. Звонили колокола, доносилось пение хора, пахло ладаном.

Возле церкви представители различных организаций приветствовали юную ячейку колонии. Представители ячейки отвечали. Председатель окружной комиссии прикалывал значки комсомольцам и пионерам. Тут же несколько колонистов были приняты в союз.

Крестьяне, вышедшие из церкви, заинтересовались торжеством. Ко мне подошли несколько человек и стали расспрашивать о колонии и о её детях. Узнав, что большинство – сироты, которых забрали в колонию, чтобы они не баловали на улицах, а, наоборот, выучились бы чему-нибудь, крестьяне выразили одобрение. Какая-то старушка прошамкала.

– Вот и у нас, отец и мать померли, а дети остались. Трое деточек. Так по чужим семьям Христа ради кормятся. Пропадут... Вот бы их к вам в ученье...

– Что ж, поговорите с заведующим.

– Вот я говорю насчёт Алексеевны деточек, – обратилась она к своим: – чтобы сюда, чтоб не пропали...

– А правда!..

И уходя, одна из баб сказала:

– Ну, спасибо, милая, что с нами поговорила.

Лёд подтаивал. От праздника первого снопа, где их встретили с таким почётом и где они увидели, как быстро и чисто умеют работать ребята, крестьяне унесли самое благоприятное впечатление.

Вскоре хоровой кружок колонии был приглашён в соседнее село выступить на вечеринке. Приглашение это было с удовольствием принято, и, несмотря на проливной дождь, никто не уклонился. В сельском клубе грызли семечки и курили махорку. Колонисты чувствовали себя культуртрегерами и в антрактах нарочито громко один кричал другому:

– Петька, закурим!

– Ну, что ты! В зрительном зале неудобно! Выйдем.

Возвратившись в колонию, ребята с чувством удовлетворения рассказывали об этой маленькой хитрости и о её результате: крестьянская молодежь также начала выходить из помещения клуба, чтобы скрутить цыгарку.

Смычка произошла.

РАБФАКОВЦЫ В КОЛОНИИ.

Воспитанники, получившие звание старшего колониста, т. е. зарекомендовавшие себя как хорошие, честные работники, подлежат выходу из колонии. Они окончили школу колонии, получили некоторую квалификацию в мастерских и теперь могут выбирать: одни из них поступают на заводы, фабрики либо на службу, другие, желающие продолжать учебу, идут на рабфаки.

Колонисты вообще и в особенности рабфаковцы не теряют связь с колонией. Они переписываются с заведующим колонией и товарищами. В случае нужды они получают денежную помощь из средств колониального хозяйства.

Рабфаковцы и в городе продолжают жить тесной семьёй, их соединяет воспоминание об общем доме – колонии, привычная дисциплина. Колония продолжает для них оставаться родным домом, откуда они и выговор получают, и помощь и куда они едут провести каникулярное время. Даже те из них, у кого есть семья, проведя в ней несколько дней, едут отдыхать в колонию.

В один прекрасный день среди полуголых колонистов появляется юноша в длинных брюках и рубашке из туалъ дю нор.

– Рыжий приехал! – Рыжий! – кричат со всех сторон подошедшему воспитателю, и он так радостно здоровается с юношей, что я принимаю их за родственников, но потом выясняется, что это рабфаковец.

Несколько первых дней он отдыхает, разговаривая с товарищами, устраивая проказы и подыскивая квартиру, где бы могли отдельно обосноваться рабфаковцы. Наконец, его выбор останавливается на стоящей на отлёте сторожке. Приехавшие вслед за ним товарищи приходят в восторг от этого “особняка”, их молодость не пугает ветхость жилища, готового каждую минуту развалиться.

Постепенно съезжаются все рабфаковцы, одиннадцать или двенадцать человек. Каждого встречают восторгом и бесконечными расспросами.

Рабфаковцы – старшие сыновья колонии, и, как во всякой семье, младшие (воспитанники) ими восхищаются, а старшие (воспитатели) к ним снисходительны. Им позволяют развернуться на просторе после стеснительной городской жизни. Их балуют. По вечерам им разрешается оставаться во дворе после сигнала “спать”, их “особняк” долго звенит смехом и песнями. Комендантский обход к ним не заглядывает, разве только в виде шуток, тогда они спешат запереть двери и окна и не пустить воспитателя и коменданта. Проголодавшись, они идут к кому-нибудь из воспитателей или служащих, и их кормят. А то просто остановится рабфаковец посреди двора и кричит в пространство: “Есть хочу! Курить хочу!..” – в надежде, что найдётся же отзывчивый человек, который накормит, напоит и даст папиросу. И действительно, какое-нибудь окно открывается и раздаётся желанный зов.

Они (приезжие выпускники-рабфаковцы – *прим. ред.*) дают тон всей колонии, ребята им подражают, что не всегда хорошо как для тех, так и для других. С одной стороны, рабфаковцы не всегда достойны подражания, с другой – благодаря общему баловству они распускаются. Колонии пришлось, например, перенести позор ареста за хулиганство одного из её самых шаловливых старших сыновей: во время какой-то поездки в город, на улице, возмущившись чересчур ярким гримом дамы, он пошёл прямо на неё глядя в небо и делая вид, что не замечает яркой дамы. Даму он чуть не свалил, а сам угодил в милицию.

Отдохнув неделю или две, рабфаковцы принимают участие в общей работе, по большей части в роли командиров сводных отрядов. Работают они не так регулярно из недели в неделю, как колонисты. Некоторые из них занимаются, другие хлопочут о переводе в Харьков, поближе к колонии, для чего приходится часто ездить в город. Но и при таких условиях они умеют показать себя великолепными работниками: они и косари, они и на жатках, они и на корчёвке и в спектаклях, и в кружках, – словом, всюду, где нужны сноровка, ловкость, рабфаковцы одни из первых.

Когда начинается период отпусков и из строя выбывают сразу три воспитателя, педагогический совет, по предложению заведующего, назначает

заместителями трёх рабфаковцев. С летней работой (без школы) они великолепно управляют. Во время дежурств их приказания выполняются беспрекословно, так как все понимают, что они ответственны за свой день. В остальное время они – добрые товарищи, ближе стоящие к колонистам, чем воспитатели. Трудно только старшим колонистам привыкнуть называть их в официальных случаях по имени и отчеству. На общих собраниях заведующий не устаёт внушать ребятам, что, когда они говорят о рабфаковцах, как о воспитателях, надлежит говорить не “Сенька”, а “Семён Афанасьевич”, не “Ванька”, а “Иван Петрович”. Младшие легче к этому привыкают.

Вот, например, картина: один из воспитателей-рабфаковцев, скривив страшную рожу, подходит к группе младших девочек и что-то им говорит. В ответ – писк, визг, смех...

– Чего вы, девчата? – спрашиваю я через минуту.

– Сэмэн Ахванасьвич балуютьця, – жеманясь отвечает одна из девочек.

Семён Афанасьевич – один из любимцев колонии. Малыши, детишки воспитателей, просто обожают его. Ещё бы: он преподаёт гимнастику! Глядя на упражнения колонистов, трёхлетние клопы под командой десятилетней девчурки маршируют в сторонке, раскрыв от усердия рты. Но их восторгу не бывает предела, когда сам “Сеня” обратит на них внимание.

Он возвышается над ними горою смуглых мускулов, грозно сдвинув брови:

– Стройся! – рычит Семён. Малыши строятся, толкаясь и глядя ему в рот с радостной готовностью.

Семён делает свирепое лицо, от которого у них дух захватывает:

– Смиррно-о!..

Блаженный страх разливается по поднятым вверх мордочкам, крошечные фигурки изо всех сил вытягиваются.

Семён держит их несколько мгновений в напряжении, свирепо вглядываясь в их лица, и вдруг неожиданно кричит:

– Смейся! – и сам хохочет, глядя на вытянувшихся малышей, влюблённо пялящих на него глаза и старающихся как можно громче смеяться.

Шесть рабфаковцев были посланы окружной комиссией в качестве воспитателей в харьковский коллектор. Как они мне потом рассказывали, воспитанники коллектора все были вооружены, но далеко не все одеты, так как считали лишним, по летнему времени, обременять себя в этом отношении. Как только они получали штаны и рубаху, сейчас же примеряли: если рубаха была достаточной длины, продавали штаны, если короткая – рубаху. Позади коллектора расположен пустырь, где ютились банды беспризорных. Питомцы коллектора состояли с ними в оживлённых сношениях, общаясь с населением пустыря через забор. Воспитатели ничего не могли поделать.

Явившиеся горьковцы разделили ребят на отряды, вожак сделал командирами и строго с них взыскивали за каждое нарушение дисциплины со стороны их отряда. Несколько человек отправили в допр. Несколько поколотили. На пустыре, совместно с милицией, сделали облаву и очистили его. Борьбу пришлось вести упорную, но они вышли из неё победителями, и через месяц коллектор стал походить на воспитательное учреждение.

После молотьбы рабфаковцы стали разъезжаться. То один, то другой исчезали из колонии. Отъезд их был менее заметен, чем прибытие. Колонисты успели к этому времени так к ним привыкнуть, что перестали их особенно замечать, и только для близких товарищей было ощутительно их отсутствие.

Впрочем, я уехала из колонии, когда большая часть рабфаковцев ещё жила в своём особняке. Ещё звучали по вечерам песни, и за полночь раздавался смех вокруг их жилища.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ В КОЛОНИИ.

Раннее утро. Ещё нет четырёх часов. Раздаётся стук копыт – это дежурные из 2-го отряда возвращаются с ночного.

Некоторое время тишина. Потом таракхень и дребезжанье – водовозы поехали за водой. Сонные дежурные экономки отправляются доить коров. Внезапно в безмолвие врезывается крик:

– Сопи-ин! Буди пас-ту-хо-ов!

Это поднялись дежурные воспитанники. Через минуту один из них стучит в окно дежурного воспитателя. Ответный стук. И дежурный колонист убегает дальше.

В пять часов во дворе появляется дежурный воспитатель. В утренней тишине 25-й отряд – “слабосильная команда” – поливает цветы (им не дают тяжёлой работы). Воспитатель смотрит несколько минут, как блестящая струя рассыпается тысячью радужных искр, и идёт на кухню. Здесь уже кипит работа во всю: надо накормить косарей, на целый день отправляющихся на луг. Дежурные воспитанники получают хлеб в продуктовой кладовой и режут его на отряды. Экономки возятся на леднике: убирают утренний удой, выдают по ордерам молоко на кухню и косарям. В конюшне запрягают лошадей для завхоза, едущего в город за покупками.

Внезапно воздух потрясает мычанье, бляенье, взволнованные птичьи крики. Пастухи выгоняют скотину и птицу.

Солнце начинает пригревать. То там, то здесь ярко мелькают красные шапки дежурных. Скоро шесть. Косари уже позавтракали и, запасшись провизией, уходят со смехом и шутками. Надо будить первый сводный, который с шести часов работает на ремонте.

Наступает некоторое затишье, и дежурные строем усаживаются на скамеечке в цветнике, чтобы за приятной болтовнёй выкурить по папироске. Не тут-то было. Появляется птичник и требует ордер на просо. Приходится подыматься в комнату совета командиров. Дежурный пишет ордер, передаёт его птичнику, тот расписывается в расходной ведомости. Вслед за этим появляется дежурная хозяйка и требует добавочный ордер: забыли выписать на кухню лавровый лист.

Воспитатель взглядывает на часы: половина седьмого! И он кричит в окно:

– Жебиков, буди дежурного сигналиста!

Красная шапка мелькает по направлению к спальне, и через несколько минут во дворе появляется заспанная фигура с полотенцем. Сигналист по-

шёл к криничке умываться. Без четверти семь он подымается в комнату совета командиров, берёт горн, и воздух пронизывает залихватый сигнал. Он идёт по двору, выделявая рулады.

Колония сразу вспыхивает смехом, говором, движением. Ребята бегут умываться. На террасе перед амбулаторией толпятся хворые. Командир санитарного отряда записывает очередь. По двору к больничке спешит доктор.

Начинается жизнь.

В семь часов второй сигнал. Завтрак. Завтракают в две смены, так как столовая не вмещает всех колонистов. Ожидающие болтают, расположившись на скамьях возле дома.

К завтраку появляется воспитатель, исполняющий обязанности помощника дежурного – “пом”, как сокращённо называют в колонии.

В столовой шум. Вокруг дежурного толпятся командиры за ордерами. Получившие ордера передают их дежурному воспитаннику и получают у него хлеб на отряд. Режут хлеб по порциям. Хозяйки, дежурящие в столовой, разносят кофе, их встречают шутками, смехом. Между столами ходит “пом”, следя за тем, чтобы шум не переходил границ и чтобы завтракающие не забывали снимать фуражки во время еды. Дежурные воспитанники делят обязанности: один раздаёт хлеб, другой следит за порядком раздачи пищи. Разносят по порядку номеров отрядов.

К восьми часам обе смены кончают завтракать. Сигнал на работу собирает всех возле кладовой с инструментами. Здесь уже сидят, болтая, трое рабочих воспитателей. Появляется агроном. Он распределяет рабочее дежурство по отрядам. Говорит командирам, в какое место им нынче вести своих солдат. И отряды, вооружённые топорами, лопатами, сапками, обмениваясь шутками, расходятся, в разные стороны.

Дежурный воспитатель делает у себя заметку, кто куда направлен, и отправляется завтракать. Двор пустеет, только группа малышей, свободных до обеда, овладела турником и параллельными брусьями и выделяваем

какие-то сложные упражнения, напоминая мартышек своей забавной вертлявостью.

“Пом” отправляется проверять работы, а дежурный, позавтракав, погружается в ордера, ордера, ордера... Комендантскому отряду нужны тряпки, на прачечную – мыло, свинарям, конюхам – корм, в сапожную – гвозди и т. д., и т. д., без конца.

В это время по всей колонии идёт чистка и уборка. По лестнице невозможно пройти, так как комендантский отряд моет. Во дворе мётлы поднимают пыль столбом. Свинари вывозят навоз.

Полуголые вспотевшие ребята роют канаву для водопровода. К постройке (свинарня) подвозят воду, мешают известь, цемент, складывают стены, ровняют земляной пол. Из мастерских и прачечной несётся жужжание швейных машин, стук молотков, шум пилы и звуки песни. Из открытых окон школы: “одна четверть, умноженная на пять десятых, минус одна пятая”...

За стенами, там, где от отряда к отряду шагает “пом”, копошатся под горячим солнцем, на огороде, на корчёвке, на пруду десятки колонистов. А за пять вёрст, на лугу, ребята, раздевшись догола (никто не пройдёт!), косят. Жарко. Пройдут ряд и бултыхаются в речку, снова ряд – и снова купанье.

Жизнь кипит в колонии. Освобождённые по болезни слоняются по двору, им неуютно без дела, и они отпрашиваются в лес, чтобы в душистой тишине подремать до обеда.

К одиннадцати возвращается “пом” с проверки. Он сообщает дежурному о состоянии работ. Затем появляются комендант и дежурный; усадив “пома” на своё место, отправляются в комендантский обход.

В больничке. В палатах чисто. Больные, по большей части малярики, перекидываются с дежурным несколькими фразами, в то время как комендант осматривает все углы и, наконец, залазит под ванну и вытаскивает оттуда какую-то тряпку.

– Ага! Это что такое? – торжествующе потрясает он тряпкой перед санитарками. – В рапорт их!

– Медведев, да куда ж нам половую тряпку прятать?

В спальнях. На крыльце встречает дневальный. Он идёт за комендантом и воспитателем, объясняет, кому принадлежит та или другая плохо застланная койка. Кроме того, каждая койка снабжена номерком, по которому можно узнать фамилию её хозяина. Заглядывают под койки. Из-под одной воспитатель извлекает чернильницу и ручку. В одной из спален спят. Это сторожа, дежурившие ночью.

В швейной мастерской. Вошедших сразу оглушает гам. Девочки наперебой тарахтят, кто-то чем-то недоволен, кто-то на кого-то жалуется – понять всё равно невозможно. Отсюда спешат поскорее выбраться. Заглядывают мимоходом в уборные; потом на кухню, в сапожную мастерскую, слесарную, кузню, где закопчённые кузнецы рассыпают искры молотами. На прачечной их встречают пением. На столах и скамейках живописно расселись девочки, починяют бельё; здесь же примостились истопники, покуривая цыгарки. В следующей комнате, подоткнув подола, яростно работают языками и руками прачки.

Оттуда отправляются на скотный двор и здесь сталкиваются с возвращающимся с водопоя стадом. Бугай славится раздражительным характером, и красная шапка дежурного исчезает с его головы в глубине кармана. На скотном дворе чисто. Заходят полюбоваться на молодых телят, гладят их нежные мордочки и отправляются в клубы, в канцелярию. Обход кончен. Уже без десяти двенадцать, пора давать сигнал “с работы”. На звук трубы отовсюду тянутся пыльные потные отряды, торопливо сдают лопаты и сапки и бегут вымыться перед обедом. В двенадцать обед. Хозяйки быстро носятся с мисками. Надо спешить: в час сигнал на работу. К обеду является второй “пом”, первый свободен до шести вечера.

После обеда наступает ордерное затишье. Дежурный воспитатель пользуется этим временем, чтобы самому обойти работы, взглянуть на настроение ребят.

Первая смена пастухов отпрашивается на речку купаться. В тени церкви, на траве спят ночные дежурные. В жарком воздухе все звуки, лениво расплзаются. Тишина.

Тишину в четыре часа пререзывает сигнал “с работы”. Колония сразу наполняется шумом, и суетой. Начинается ордерная горячка: всем надо в спальню – взять мыло, полотенце, табак. Девочки спешат переодеться, причесаться. Дежурный работает быстро и чётко, как какая-то ордерная машина. Все торопятся, потому что через пятнадцать минут сигнал на гимнастику.

По сигналу собираются на площадке перед церковью. Руководит занятиями по физкультуре бывший воспитанник, рабфаковец Калабалин. Вокруг площадки уселись зрители: воспитатели и больные колонисты. Они глядят, как стройно, по команде поворачиваются шеренги налево, направо, склоняются, выпрямляются, ощетиниваются руками. За их спинами, на узком пространстве, притаились страстные футболисты, чтобы хоть потренироваться, если играть негде. За воротами, ярко синяя гимнастическими костюмами, маршируют девочки.

Как только кончается гимнастика, футболисты занимают площадку, и отсюда по всей колонии несутся крик, хохот и азартное ала-ле-ле-ле-а немого колониста, среди страстных футболистов самого страстного. Вокруг турника собралась толпа, любующаяся штуками Калабалина. Одна из “канцелярских крыс” (из малышни – *прим. ред.*) взобралась на призовую мачту и, слегка раскачиваясь, обозревает колонию с птичьего полёта. Вокруг колониста-балалаечника собралась группа любителей музыки. Тут и там на скамеечках мирно беседующие группы. В цветнике воспитательница-сказочница объединила вокруг себя человек двадцать малышей. Они расселись на земле и пожирают глазами рассказчицу. “Пом” в верхнем клубе. Он играет в шахматы с ребятами. Возле группа наблюдающих. Здесь тихо. Читают газеты. Играют в шашки, шахматы и другие игры. В нижнем клубе танцы, музыка. Колония отдыхает от всей души. Только комсомольцы продолжают работу: сегодня кружок по изучению истории партии.

К ужину в шесть часов является первый “пом”. Теперь до девяти вечера у дежурного будут два помощника. Ужин лёгкий – суп или компот и фрукты, если есть.

В столовой показываются две растрёпанные фигурки – беспризорные, присланные комиссией. Им отказано в приёме, нет мест, но их накормят и оставят ночевать.

Колонисты спешат покончить с едой и бегут к прерванным занятиям: тот закончить драку, тот доиграть партию, дослушать рассказ и т. д. К дежурному воспитателю после ужина является кладовщик, и они вместе проверяют приход и расход сегодняшнего дня. Дежурному уж до позднего вечера не выбраться на свежий воздух: надо подписывать рапорта командиров, записывать с экономкой количество удоя, со старшим огородником – количество зелени, снятой с огорода, сдавать дежурство завтрашнему дежурному.

Он вспоминает, что надо устроить на ночёвку двух беспризорных, и посылает за командиром сторожевого отряда.

– Да захвати сюда этих ребят из комиссии, – кричит он вдогонку “канцелярской крысе”, вприпрыжку помчавшейся исполнять поручение.

Через несколько минут “крыса” возвращается в сопровождении командира и пары беспризорных.

– Витька, – говорит дежурный, – этих ребят надо где-нибудь положить спать.

– Таких грязных? – возмущается командир. – Разве их можно в спальню пустить?

– А возле больнички, где чесоточные раньше были?

Колонисты окружают замазанных ребят.

– Глянь, что мои сапоги, что твои ноги!

– Два месяца не мыл, – хрипит беспризорный.

– Так ты уж сколько времени в колонии. Не мог ни у кого мыла попросить да помыть их?

Тот презрительно сплёвывает в сторону чистоплотного колониста.

– Ну, ладно, – прерывает командир сторожевого отряда, – идём! – И он уводит мрачно насупившихся ребят.

В восемь часов дежурный сигналист трубит “рапорта командиров”. Комната совета командиров наполняется народом. Подымается суматоха:

– Лёнька, дай фуражку!

– Отстань, самому нужна.

– Я сдам рапорт и отдам тебе. А ты сзади постой.

Входит заведующий колонией. Всё мгновенно стихает.

– Первый сводный!..

Командиры вытягиваются. Отдают честь. Начинаются рапорта.

По окончании сдачи рапортов сигналист подходит к дежурному воспитателю:

– На приказ можно?

– Давай.

– Тру-туру-туру, – раздаётся по лестнице и затем во дворе призывный зов. Дежурные спускаются в “нижний” клуб. Море голов. Здесь вся колония. Приказ слушают стоя. Дежурный взбирается на скамейку и, выждав несколько минут, пока стихнет говор, читает приказ на завтра.

Он кончил. Зал снова звенит смехом, криками и всё покрывает сигнал, переложённый кем-то на слова:

Спать пора, спать пора,

Колонисты, д-е-н-ь за-кон-чен, день закончен,

Трудовой.

Завтра встать, завтра встать,

Утром чис-тым,

За работу со здоровой

Го-ло-вой.

Но колония ещё не смолкает. В то время как дежурные, воспитатель и воспитанник, проверяют, все ли на местах в спальнях, в клубе идёт репетиция, наверху в читальне занимается кружок по изучению ленинизма, в комсомольской штаб-квартире собралась редколлегия стенной газеты. Во дво-

ре слабо тринкает балалайка, в цветнике одна – две парочки. Это имеющие ордера на прогулку после сигнала “спать”. Тихо. Только пронзительно перекликаются свистки сторожевого отряда.

Проходит ещё час. Двор пустеет. Ленинский кружок кончает работу. Редколлегия укладывается спать. Колония замирает. Только несколько воспитателей и служащих собрались на крылечке и наслаждаются лунным вечером, изредка перекидываясь ленивыми фразами.

Отдых.

И вдруг в тишину ночи врезывается разудалая песнь. Это возвращаются с репетиции. Часть ребят задерживается у воспитательского крылечка. Ночь на мгновение расцветает шутками, смехом. Но группа расходится: колонисты в одну сторону, рабфаковцы в другую... всё тише, тише звенят голоса.

– Спать пора-а-а!.. – зевает кто-то из воспитателей, подымаясь.

С последней, исчезнувшей с крыльца фигурой движение окончательно замирает. Колония погружается в сон.

Только дежурные сторожа шагают у кладовых и спален. Порой прозвучит:

“Кто идёт?” – да регулярно перекликаются вполголоса свистки.

* * *

За год, прошедший с того времени, как я начала записки, колония ушла вперёд и по пути хозяйственного процветания и в педагогических исканиях, но, мне кажется, рассказанное мною не утратило интереса как для работников Спона (СПОН – Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних в Главсоцвосе – прим. ред.), для большинства учреждений которого искания Макаренко ещё в области будущих достижений, так и для широкой публики, так мало, к сожалению, знакомой с этим вопросом. Я рассчитывала именно на читателя неспециалиста, на того, который, видя толпу беспризорных на улице, недоумённо восклицает:

– Опять полно! Куда же деваются наши деньги?

И если хоть у кого-либо из них эти записки вызовут интерес к делу борьбы с беспризорностью, я буду чувствовать себя совершенно удовлетворённой.

В заключение приношу А.С. Макаренко благодарность за разрешение прочитать и цитировать кое-что из его записок, осветивших для меня прошлое колония и его лично работу.